

1418 ДНЕЙ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

В АВГУСТЕ
1941

А.Б. Оришев

1418 дней Великой войны

Александр Оришев

В августе 1941

«ВЕЧЕ»

2011

Оришев А. Б.

В августе 1941 / А. Б. Оришев — «ВЕЧЕ», 2011 — (1418 дней Великой войны)

В августе 1941 года СССР и Великобритания предприняли первую совместную боевую операцию. Целью ее было освобождение Ирана от германского влияния и обретение контроля над стратегически важной для поставок вооружений в Советский Союз территорией. Перед вами первая обширная работа, посвященная этой важной, но оставшейся в тени других – более громких и кровопролитных операций. Ее автор – известный историк Ирана и советско-иранских отношений.

Содержание

Предисловие	6
Часть I. Москва, Лондон и Берлин: истоки противостояния в Иране	8
Глава 1. Иран Реза-шаха Пехлеви	8
Глава 2. Шпионаж под маской «арийского братства»	21
Глава 3. Вторая мировая начинается: иранский нейтралитет и проблема транзита	27
Глава 4. Советская угроза над Ираном: ложная тревога	33
Глава 5. Судьба Ирана решается в Берлине	39
Глава 6. Абвер и СД расставляют сети	44
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Александр Борисович Оришев

В августе 1941

©Оришев А.Б., 2011

©ООО «Издательский дом «Вече», 2011

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Предисловие

Иран – южный сосед России – является одним из древнейших очагов мировой цивилизации. Персидская империя при Дарии I простиралась от берегов Греции до реки Инд. Иран – цитадель Западной Азии, удобный плацдарм для проникновения в Ирак, Афганистан, Пакистан и Турцию. Иран обладает крупнейшими запасами нефти и природного газа. Он был и остается притягательной целью для завоевателей, грезящих о мировом господстве.

Иран – центр загадочного направления в исламе – шиизма. В 1979 г. в Иране произошла революция, положившая начало исламскому буму во всем мире. С каждым годом растет влияние Ирана в мировой политике. Его население – 66 млн человек, каждый четвертый моложе 15 лет! Неслучайно иранские лидеры бросили смелый вызов США – супердержаве XXI в.

Отношения с Ираном, всегда значимые для обеспечения безопасности России, прошли сложный путь развития: годы добрососедства сменялись войнами и конфронтацией. На эту тему написаны десятки монографий, научных статей, публицистических работ и художественных произведений. Казалось бы, изучено все. И, тем не менее, в истории отношений двух великих государств до сих пор есть белые пятна. Практически ничего не известно о событиях августа 1941 г., когда на территорию Ирана вступили советские войска.

Случилось это в драматические дни Великой Отечественной войны, когда немцы бомбили советские города, захватили самые плодородные и развитые территории, массу боевой техники, а наши потери убитыми, ранеными и попавшими в плен достигли астрономических чисел. К августу 1941 г. противник добился крупных оперативно-стратегических результатов, продвинувшись в глубь советской территории на 500–600 километров. Война развивалась по самому худшему для страны сценарию. Западный фронт под командованием Д. Павлова был полностью разгромлен. Из 44-х его дивизий 24 погибли полностью, остальные потеряли до половины личного состава. Имело место не столько война, сколько капитуляция советских войск. И в этой критической ситуации, когда над народами СССР нависла угроза гитлеровского порабощения, Красная Армия отметилась блицкригом, пройдя триумфальным маршем по иранской территории.

После «Ледокола» В. Резуна, более известного под псевдонимом «Суворов», все внимание историков свелось к тому, насколько Красная Армия была готова вести войну на чужой территории. Знали ли ее командиры тактику современного боя? Насколько был высок боевой дух красноармейцев? Как встречало местное население «освободителей»? Изучение иранской операции поможет дать ответ на эти и другие вопросы.

Иранская операция была сама по себе уникальным событием. Во-первых, это была первая совместная военная акция Англии и СССР – союзников по антигитлеровской коалиции. Во-вторых, предпринятые в отношении Ирана меры вытекали из советской военной доктрины – бить противника на его территории.

Можно удивляться тому, что иранская операция так и осталась вне пределов интересов историков. Но тому есть причины. Если отечественные ученые и касались этой темы, то все свои энергичные усилия направляли на то, чтобы оправдать ввод войск, указывая на военную и политическую целесообразность этого решения. С.Л. Агаев, А.С. Ерусалимский, М.С. Иванов, П.В. Милов, М.В. Попов и другие указывали на факт присутствия в стране многочисленной немецкой агентуры, которая угрожала интересам как СССР, так и Ирана. Что касается иранцев, то национальная гордость не позволяла подробно описывать столь печальные для них события. И это вполне понятно.

Не уделяли должного внимания этой проблеме и англичане. В годы холодной войны тема советско-британского сотрудничества была непопулярной на туманном Альбионе.

Случилось так, что в СССР началась перестройка, и историкам было позволено доводить до читателей самые сокровенные мысли. Ушла в прошлое политическая цензура, сняты ограничения и запреты на изучение отдельных тем. Появилась возможность работы с ранее засекреченными архивными документами. И свет забрезжил в конце туннеля. У российских ученых появилось желание и возможности писать об иранской операции.

Наметилась характерная тенденция: пересмотреть оценки событий августа 1941 г. И пересмотреть кардинально. Приведем лишь несколько примеров. Профессор Саратовского госуниверситета Ю.Г. Голуб выдвинул версию, что «советские войска могли оказаться в Иране и в продолжение предвоенной политики расширения советских границ, “восстановления” утраченных имперских рубежей». Этот тезис развил в своих трудах его коллега Д.М. Любин. Привлечь внимание общественности к операции также попытался профессор А.А. Штырбул, предложивший периодизацию пребывания Красной Армии в Иране. Увидели свет публикации О.К. Березина, Дж. Гасанлы, А.В. Котлобовского, А.В. Огорокова и других уважаемых авторов.

И все же ряд вопросов остался без ответа. Что было причиной ввода на иранскую территорию войск союзников, а что послужило поводом? Как готовилась операция? Насколько глубоко проникла германская агентура в Иран, представляла ли она реальную опасность для интересов СССР? Кто был инициатором вторжения? Действительно ли иранская армия не оказала никакого сопротивления войскам Англии и СССР? Какую позицию в этих событиях занял правитель Ирана Реза-шах Пехлеви? Какова судьба иранских пленных? Куда было направлено трофейное имущество, захваченное красноармейцами в ходе наступления? Эти и другие вопросы вызывают не только научный, но и политический интерес. С учетом новой обстановки вокруг Ирана ответить на них было бы очень полезно.

В представленной на суд читателя книге сделана скромная попытка ответить на некоторые из этих вопросов. В ряде случаев автор предлагает свою версию событий недавнего прошлого. Он вступает в дискуссию со своими коллегами – признанными знатоками Востока, в некоторых местах дает комментарий уже хорошо известным фактам. При этом он далек от мысли, что представил полную картину иранской операции.

Все, что написано в этой книге, было на самом деле. В ней, наряду с победами, показаны просчеты и недостатки советского военного командования. Но этот материал – не компрометация нашего прошлого, а показ правды истории. Мы не можем больше жить в мире мифов и легенд – позитивных и негативных. Только правдивые знания о войне, о самом страшном ее периоде – 1941 г., могут воспитать патриотами молодое поколение, не знающее ужасов фашизма. Поэтому в книге сохранены все подлинные имена и псевдонимы. Диалоги, донесения, справки и доклады излагаются в полном соответствии с архивными материалами.

– Если бы немцы захватили Иран, а иранская операция закончилась бы крахом для Красной Армии, война была бы проиграна? – спросит придирчивый читатель.

Конечно же нет. Но победа в Иране, безусловно, приблизила часть общей победы. Вот почему автор предпринял это увлекательное путешествие в Иран 1930-х – начала 1940-х гг. Многолетнее изучение документальных материалов, встречи с участниками событий, анализ всего прочитанного и услышанного. В результате и появилась эта книга.

Автор верит в то, что пройдут годы, поменяются идеологические установки, откроются секретные архивы, и будущие поколения историков еще не раз перевернут наше сознание. Но одно останется неизменным – подвиг красноармейцев, отдавших в 1941 г. свои жизни в борьбе с германским фашизмом.

Часть I. Москва, Лондон и Берлин: истоки противостояния в Иране

Глава 1. Иран Реза-шаха Пехлеви

У нас нет и не может быть таких целей войны как захват чужих территорий, покорение других народов, все равно идет ли речь о народах и территориях Европы, или о народах и территориях Азии, в том числе и Ирана.

И.В. Сталин

Служить всеми силами отечеству – в этом я вижу свою задачу, не знаю только, оценят ли это потомки.

Реза-шах Пехлеви

Конец XX в. Иран встретил с глубокой верой в ценности исламского правления, с надеждой на дальнейшее процветание и экономический подъем. И мало кто сейчас вспоминает о том, что еще в начале прошлого столетия все здесь выглядело иначе. Иран был страной удручающей бедности, представляя собой типичное полуколониальное государство, в некоторых отношениях даже более отсталое, чем Османская империя. Экономика его находилась в упадке: практически не было фабрик и удобных путей сообщения, электричество имелось только в крупных городах. Большинство иранцев были неграмотны, нищета и слабое развитие медицинской помощи способствовали высокой смертности.

Нигде нельзя было встретить столько уличных попрошаек, как в Иране. Милостыню здесь просили все, не гнушались этим и состоятельные люди, довольно искусно переодевавшиеся в нищих. Трудно было отличить бедного перса от богатого по его одежде, вкусам, понятиям и желаниям, если он держался строгих правил мусульманского быта. И все же бедных здесь было много больше, чем богатых, и больных больше, чем здоровых. Серьезным бедствием для Ирана являлось курение опиума – в стране насчитывалось до миллиона наркоманов.

Каждый четвертый житель этой древней страны занимался кочевым скотоводством. Воинствующие, сепаратистски настроенные вожди бахтиаров, кашкайцев, луров, шахсеванов и других племен не признавали над собой власти правительства, а Ахмед-шах, последний монарх из тюркской династии Каджаров, не чувствовал себя хозяином в собственной стране. На севере ощущалось российское влияние, на юге доминирующие позиции занимали англичане, которым принадлежала иранская нефть – главное достояние и национальное богатство Ирана. Созданная в 1909 г., Англо-персидская нефтяная компания (АПНК)¹ имела право экстерриториальности и в виде концессионных платежей отчисляла иранскому правительству мизерные суммы от своих доходов². После того как британское правительство выкупило контрольный пакет ее акций, перед компанией открылись новые перспективы расширения промышленной и коммерческой деятельности.

В те годы англичан в Иране считали какими-то сверхъестественными существами, контролирующими и управляющими всей страной. От желания или нежелания Лондона нередко зависел состав правительственного кабинета в Тегеране. Действовали при этом британцы через

¹ Персия древнее название страны, которая с 1935 г. стала официально называться Ираном. Прежде использовались оба названия, и сегодня в публицистике название «Персия» все еще употребляется, когда речь заходит об Иране.

² См. подробнее: Гадими З. Тарихе энгелабе нафте Иран. На перс. яз. Тегеран, 1953.

свою дипломатическую миссию, а порой не гнушались введением на территорию Ирана вооруженных сил. Каждый иранский политик, независимо от политической окраски, нападая на своих врагов и противников, утверждал, что они британские агенты. Засухи, неурожаи, нашествия саранчи приписывались коварным замыслам злобных англичан. Ненависть – самое распространенное чувство, которое питали в Иране к Англии и англичанам.

Беспринципность, отсутствие убеждений, алчность отличали правящие круги Ирана. Произвол отдельных лиц, действующих в духе сатрапов, интриги ничтожных проходимцев, свивших себе гнезда вокруг шахской семьи. Взятничество и коррупция были стилем жизни местных чиновников. Есть сведения, что даже Ахмед-шах был подкуплен англичанами, получая из Лондона щедрые субсидии.

Депрессия и безнадежность царили в иранском обществе. Ели в Иране и были здоровые силы, то это прежде всего средний класс, патриотически настроенные военные и отдельные представители интеллигенции.

В 1920-е гг. ситуация постепенно стала меняться. В феврале 1921 г. в Иране произошел государственный переворот, и к власти пришло национально ориентированное правительство. Главную роль в нем играл глава персидских кавалерийских частей Реза-хан. Получив должность военного министра, он нанес поражения ханам-сепаратистам, воссоздав тем самым централизованное государство³. Племенные вожди, не признававшие ранее власть Тегерана, стали послушными как овечки.

В декабре 1925 г., отправив путешествовать по Европе Ахмед-шаха, Реза-хан ловко использовал его отсутствие и путем заигрывания с различными политическими группировками захватил трон. Последовавшая вслед за этим коронация Реза-шаха ознаменовала начало правления в Иране династии Пехлеви. Эта созвучная с одной из древнейших династий фамилия, избранная шахом, должна была подчеркнуть самые серьезные амбиции нового властителя страны.

Став шахом, Реза-шах приступил к широкой модернизации иранского общества. Замыслив ряд важных реформ, новый правитель Ирана начал проводить политику государственного капитализма: были введены автономный таможенный тариф, установлены высокие пошлины на ввозимые из-за рубежа товары, создан Национальный банк, а частным вкладчикам были предоставлены различные налоговые льготы.

Выполняя указания Реза-шаха, иранское правительство начало реализовывать планы промышленного развития, в первую очередь создания на базе местного сырья импортозамещающих отраслей экономики. Государство активно включилось в экономическую жизнь страны: полным ходом шел процесс модернизации пищевой, обувной, ковровой отраслей. Начали строиться текстильные фабрики, сахарные, цементные, хлопкоочистительные заводы, электростанции. Осуществлялось строительство железных дорог и шоссе, проводились ирригационные работы, принимались меры по расширению посевов хлопка. Огромные деньги были вложены на обустройство Тегерана – столицы государства.

Важным элементом модернизации иранского общества стали реформы в области образования и культуры: были учреждены светские школы, принят закон об обязательном начальном образовании, открыты средние учебные заведения и вузы⁴. В 1934 г. был основан Тегеранский университет – в настоящее время крупнейший вуз и научно-исследовательский центр Ирана.

Примечательный факт – женщины стали допускаться в высшие учебные заведения и на государственную службу. В обязательном порядке им было предписано снять чадру – лёгкое

³ См. например: Джаханбани А. Амалият-е гошун дар Балучестан аз тарих-е мордал мах ила бахман мах 1307. Чап-е доввом. Бе галлам-е Амир-е лашкар-е Аманолла Джаханбани. На перс. яз. Тегеран, 1957. С. 10–27.

⁴ Тарихче-йе сахтеманха ва тамират маарефи ва оугафи дар до сал-е 1935–1936. На перс. яз. Тегеран, 1936. С. 25–64.

женское покрывало, ранее покрывавшее фигуры местных женщин с головы до ног. Этот смелый шаг взбудоражил общество и вызвал бурные протесты религиозных деятелей.

Программы промышленного развития также включали в себя реорганизацию армии и снабжение ее современным оружием⁵. Для дряхлой, слабой Персии, не вышедшей из феодально-крепостного быта, эта программа носила самый передовой характер и, казалось, могла сплотить лучшие силы страны.

Иранский шах проявлял завидную активность и во внешней политике. Поставив вопрос о ликвидации некоторых привилегий для англичан в Иране, он стал решительно настаивать на пересмотре условий договора с АИНК. И отчасти добился своего. До 16 % чистого дохода увеличились денежные отчисления в пользу иранского правительства. Эта плата распространялась и на доходы дочерних предприятий компании.

Были приняты и другие меры. Из иранской казачьей дивизии были удалены английские военные инструктора, ликвидирован корпус «южноперсидских стрелков», долгие годы служивший инструментом британской политики. Великобритания, хотя и играла по-прежнему роль «первой скрипки» в Иране, была вынуждена отступить.

Здесь будет уместно вспомнить о том, что до сих пор не ясна роль англичан в событиях, предшествующих приходу к власти Реза-шаха. Развернувшаяся в конце 1960-х гг. среди советских ученых на этот счет дискуссия так и не дала ясного ответа на этот животрепещущий вопрос. Ясно одно: если Реза-шах и воспользовался помощью британцев, то «отблагодарить» их он не очень-то стремился.

Серьезное внимание Реза-шах уделял отношениям со своим великим северным соседом. Он хорошо знал Россию: в годы службы в кавалерии был знаком с русскими офицерами и даже немного говорил по-русски. Создание регулярной армии в Иране во многом происходило под влиянием русской военной школы. Реза-шах был реалистом – как любой восточной правитель он уважал силу, а Российская империя, а затем и Советская Россия, не говоря уже о СССР, были ее олицетворением.

Не секрет, что он недолюбливал большевиков и как убежденный персидский националист не испытывал симпатии к грузину Сталину. Как-никак, а Персия традиционно была могущественней Грузии, и, как хорошо известно, только вмешательство России спасло Грузию от ее порабощения южным соседом. Реза-шах не испытывал иллюзий в отношении миролюбивых заявлений Москвы, считая, что советское руководство лишь на время отказалось от лозунгов мировой революции. Не забыл он и уроков Энзелийской операции, когда по приказу Л. Троцкого (Бронштейна) советские корабли высадили десант восточнее порта Энзели⁶. Осторожность и прагматизм были первыми советниками нового правителя Ирана.

В первые годы правления Реза-шаха Пехлеви иранское правительство поддерживало добрососедские отношения с Советским Союзом, который неизменно оказывал поддержку Ирану во всех мероприятиях, направленных к укреплению независимости иранского государства, к его экономическому и культурному развитию.

В политике Советской России восточное направление традиционно занимало особое место. Вытеснить оттуда англичан, использовать антибританские настроения народов Востока, превратив их в авангард мировой революции, было одной из задач ленинской, а затем и сталинской внешней политики.

Ради достижения этих целей большевистское правительство пыталось как можно быстрее продемонстрировать разрыв с политикой царской России и тем самым завоевать расположение

⁵ АМВЭС. Ф. Восточное управление. 1941. Оп. 3620. Д. 20. Л. 21; Hershlag Z.Y. The Modern Economic History of the Middle East. Leiden: E.J. Brill, 1964. P. 194–196; Keddie N. R. Iran. Religion, Politics and Society. L.: Frank Cass, 1980. P. 214; Йекрангийан М.Х. Голгун кафанан. Гушеи аз тарих-е незами-е Иран. Т. 1. На перс. яз. Тегеран: Кетабфэруши-е Эпми, 1957. С. 287.

⁶ С 1925 г. порт получил новое название Пехлеви.

и дружбу иранцев. Именно такими помыслами было продиктовано подписание большевиками 21 февраля 1921 г. советско-иранского договора. Он стал первым равноправным договором, заключенным Ираном с великой державой после столетнего господства английского империализма. По своей сути договор придал новое содержание российско-иранским связям, определил намерение обеих государств строить их на основе дружбы, доверия и сотрудничества.

Следуя букве и духу советско-персидского договора 1921 г., советское правительство отказалось от царских займов, различных сооружений и концессий. Иран получил ценности на сумму свыше 100 млн руб. золотом – огромные по тем временам деньги. Передача этих ценностей Ирану, а также добровольный отказ советского правительства от всех прав и привилегий, полученных от Ирана правительством императорской России, создали исключительно благоприятные возможности для укрепления его самостоятельности. Казалось, навсегда в прошлое ушли те времена, когда, реализуя режим капитуляций, российские дипломаты брали под свое прямое покровительство иранских подданных, демонстрировавших открытое неповиновение местным властям.

Заключение договора 1921 г. стало существенным положительным шагом в истории внешней политики Ирана. Договор содействовал стабилизации внутривосточного положения в Иране и тем самым появлению условий для возрождения централизованного государства.

Несколько забегаая вперед, скажем о том, что в договоре 1921 г. были 5-я и 6-я статьи, которые позволяли Советской России вводить свои войска в Иран в том случае, если «со стороны третьих стран будут иметь попытки путём вооружённого вмешательства осуществлять на территории Персии захватническую политику или превращать территорию Персии в базу для военных выступлений против России». Как видим, советское руководство смотрело далеко вперед, что и позволило впоследствии решить безболезненно проблему ввода войск в Иран.

Но это было потом. А пока советское правительство принимало все меры для развития дальнейшего сотрудничества с Ираном. В 1927 г. между СССР и Ираном был подписан пакт о ненападении; одновременно были заключены соглашения, урегулировавшие ряд важных хозяйственных вопросов (о рыбных промыслах, о порте Пехлеви и др.). Так, в 1927 г. было образовано совместное производственно-коммерческое предприятие «Совиранрыба», внесшее значительный вклад в развитие рыбной отрасли на юге Каспия.

Опираясь на поддержку Советского Союза, иранское правительство в 1928 г. отменило режим капитуляций и всех неравноправных договоров. В этом же году в Иране был принят закон о введении автономного таможенного тарифа. СССР первым из иностранных государств признал это решение иранского правительства. Вслед за СССР отмен режима капитуляций были вынуждены признать и другие государства.

Торговля между Ираном и СССР сохраняла чрезвычайную важность для обеих стран, основные стратегические товары были забронированы монопольными договорами с Советским Союзом. Так, в 1925 г. более 63 % импорта Советского Союза из Азии поступало из Ирана, в том же году на долю Советского Союза приходилось около трети иранской внешней торговли.

В Иране была введена монополия внешней торговли, что в условиях укрепления этатизма в Иране и полного свертывания НЭПа в СССР облегчало развитие экономических связей и формирование их правовой основы. СССР стал первой страной, признавшей монополию внешней торговли Ирана, о чем было заявлено в договоре 1931 г. о поселении, торговле и мореплавании.

В России, а позже в СССР традиционно был велик интерес к иранской культуре. В 1920 г. был создан Отдел Востока Государственного Эрмитажа. Серия организованных им выставок («Сасанидские древности» в 1922 г., «Мусульманские изразцы» в 1923 г., «Средневековые памятники Ирана, Кавказа и Средней Азии» в 1925 г., «Культура и искусство Востока» в

1931 г.) познакомили советскую интеллигенцию с разнообразными образцами культуры Ирана в различные эпохи его истории.

Интерес к иранской литературе выразился в многочисленных переводах на русский язык произведений Саади, Хафеза, Омар Хайяма, Фирдоуси и других классиков иранской поэзии. Лучшие из этих переводов были изданы отдельными книгами и опубликованы в «Антологии иранской поэзии».

Демонстрацией советско-иранской дружбы явились проводившиеся в мае 1934 г. в Москве торжества по случаю 1000-летия со дня рождения Фирдоуси. В связи с юбилеем был издан ряд книг и монографий. В Ленинграде и Москве была открыта выставка «Шах-Намэ и изобразительное искусство Ирана, Кавказа и Средней Азии».

Однако не все было гладко. Тенденция постепенного укрепления отношений в 1920-е гг. в 1930-е гг. стала меняться в сторону усиления конфронтации. На дальнейшее развитие советско-иранских отношений оказали как изменения в характере власти обоих государств, все более и более тяготевших к диктатуре, так и мировой экономической кризис.

За исключением компании «Совиранрыба» прекратили свою деятельность все совместные советско-иранские предприятия. В реализации торгового договора 1935 г., заключенного сроком на три года, участвовали только государственные организации.

Москва рассматривала строительство Трансиранской железной дороги и запрещение Реза-шахом деятельности коммунистической партии как враждебные акты. Иранские коммунисты понесли тяжелые потери: партийные и профсоюзные организации были разгромлены, активисты брошены в тюрьмы. В течение 1929 и 1930 гг. в тюрьмы было брошено около 200 коммунистов. Многие были сосланы: жители северных районов – на нестерпимо жаркий юг в район Бушира, южане – в тюркоязычный Азербайджан. 38 человек были заключены в тюрьму Каср⁷. Подражая Сталину, Реза-шах организовал политический «процесс 53-х», посадив на скамью подсудимых местных интеллигентов, увлекавшихся марксистскими идеями.

Наиболее уязвимым местом в советско-иранских взаимоотношениях оставался вопрос о границе. На отдельных ее участках пограничные власти не имели детальных карт, большое количество пограничных знаков было утеряно или разрушено, изменились русла рек. Строгого повсеместного контроля границы не существовало, что приводило к постоянным нарушениям и конфликтам.

Правительство СССР неоднократно обращалось к Ирану с предложением урегулировать ситуацию, взаимно укрепить границу и подписать конвенцию о порядке разрешения пограничных конфликтов по аналогии с соглашением, подписанным с Афганистаном. Однако вопрос так и остался неразрешенным⁸. СССР, в частности, высказывал пожелание закрепить за собой участок земли в округе Фирузе, тяготеющий к Ашхабадской области Туркменской ССР, предлагая взамен обширные участки территории в других местах⁹.

Со своей стороны, иранское правительство также постоянно поднимало вопрос о необходимости уладить пограничные разногласия и требовало вернуть Фирузе, считая этот участок иранской территорией. СССР был готов пойти на некоторые территориальные уступки Ирану, но только в районе Мугани. Иранская сторона в первую очередь требовала пересмотра границы в Хорасане. Представители двух стран подготовили проект соглашения о порядке рассмотрения и разрешения пограничных конфликтов. Однако настойчивость иранской стороны вначале пересмотреть границу в районе Атрека и лишь затем рассматривать другие проблемы

⁷ Арабаджян А.З. Рецензия на книгу Ерванда Абрахамяна «Признания, сделанные под пыткой. Тюрьмы и публичные отречения в современном Иране». М.: Восточная литература, 2003. С. 9.

⁸ Договор о режиме советско-иранской границы был подписан только в 1957 г.

⁹ Согласно Договору 1921 г., эти земли должны были быть возвращены Ирану, однако до сих пор продолжали оставаться у СССР.

завела переговоры в тупик. В 1938 г. СССР денонсировал Конвенцию относительно перехода границы между СССР и Персией жителями пограничных областей.

Советские власти, проводящие линию на укрепление режима своих границ и санацию приграничной полосы, со второй половины 1930-х гг. начали высылку в Иран иранских мигрантов, многие из которых стали «отходниками» еще в период царской России. Главным образом они жили в Закавказье и Советском Азербайджане. Наиболее массовые акции были проведены в 1938 г., когда отношения с Ираном стали ухудшаться, и очевидной становилась ориентация иранского правительства на сближение с Германией. В январе 1938 г. вышел указ наркома внутренних дел Н.И. Ежова «Об арестах и выдворении иранских граждан из Азербайджана». В последовавшем за ним Постановлении ЦК ВКП (б) «О принятии советского подданства подданными Ирана» говорилось о немедленном выселении в Иран тех иранцев, которые не перейдут в советское гражданство, либо их аресте. Только в первой группе насильно выселенных из СССР насчитывалось почти 3 тысячи человек¹⁰. Как обустроить этих несчастных? А может быть, среди них есть агенты Коминтерна? Кому-то помочь с жильем, а кого-то обезвредить. Такие задачи встали перед иранским правительством.

Ухудшение советско-иранских отношений отразилось и в решении Тегерана сократить сеть советских консульств и дипломатов в Иране. В ответ Москва потребовала сократить число иранских консульств на территории СССР.

Важным фактором в советско-иранских отношениях была потребность в юридическом закреплении правового режима Каспийского моря. В 1931 г. в Конвенции о поселении, о торговле и мореплавании был зафиксирован правовой режим Каспия как общего моря (вопрос о разграничении вод не поднимался). Однако в последующие годы СССР фактически в одностороннем порядке установил пограничную морскую линию как условную линию, соединяющую противоположные точки сухопутной границы – от Астары до Гасан-кули. За пределы этой линии (423 км) иранские суда практически не допускались, хотя в приказе НКВД от 9 января 1935 г. оговаривалось, «что задержание персидских судов в пределах советской части Каспийского моря в случае совершения каких-либо правонарушений производить только в пределах 12-мильной прибрежной зоны. Не чинить препятствий персидским судам, плавающим и занимающимся, в соответствии с действующими между Персией и СССР договорами, рыболовством в советской зоне Каспийского моря за пределами 10-мильной прибрежной зоны»¹¹.

Интересный факт, но такое положение не получило юридического отражения ни в подписанном в 1935 г. договоре о мореплавании, ни в договоре 1940 г. о торговле и мореплавании. Договор 1940 г. стал и является до сих пор основополагающим в отношении статуса Каспийского моря и на нем базируется современная позиция иранской стороны по проблеме юридического статуса Каспийского моря. В нем провозглашалось равенство в условиях мореплавания для торговых судов обеих стран по всей акватории моря. Отдельная статья оговаривала, что в Каспийском море могут находиться только советские и иранские суда. Иными словами, фактически определялся замкнутый характер Каспия.

Каспийская проблема вызывала озабоченность руководства Советского Союза по мере все более проявляющейся ориентации Ирана на Германию. В 1937–1938 гг. Москва неоднократно заявляла официальные протесты по поводу присутствия германских советников и военных специалистов в прикаспийских районах Ирана.

Именно Германия стала серьезным конкурентом СССР в Иране. Реза-шах не мог не видеть роста могущества Третьего рейха – другого тоталитарного государства, заинтересованного в проникновении на Ближний и Средний Восток. И ситуация стала меняться. Отношения

¹⁰ Гасанлы Дж. П. СССР – Иран: Азербайджанский кризис и начало холодной войны (1941–1946). М.: Герои Отечества, 2006. С.16.

¹¹ Мамедова Н.М. История советско-иранских отношений (1917–1991) // Иран. История, экономика, культура. Памяти С.М. Алиева. М.: ИВРАН, 2009. С. 46.

СССР и Ирана с середины 1930-х гг. становились все более прохладными. К 1939 г. Германия серьезно потеснила СССР на иранском рынке, став крупнейшим торговым партнером Ирана.

Расширение экспорта Ирана в Германию шло главным образом за счет вывоза знаменитых персидских ковров. Некоторые из них стоили целое состояние – за один такой ковер в Иране можно было купить дом, стадо овец или целое селение. Но состоятельным немцам такие изделия были по карману. Заодно с коврами они скупали иранскую шерсть, кишки и опиум. Неуклонно повышался удельный вес Германии в иранском импорте. Этот рост шел в основном за счет ввоза промышленного оборудования.

Промышленными поставками в Иран занимались известные немецкие бренды: «АЭГ», «Бош», «Крупп», «Ленц», «Макс Генест», «Макс Гутенберг», «Менус», «Отто Вольф», «Сименс», «Шарк», «Юнкерс». Самые престижные офисы в центре Тегерана отошли под представительства этих фирм.

Германия вышла на первое место по поставкам Ирану металлических изделий, большинство из которых использовалось при создании предприятий тяжелой индустрии. В 1938 г. между представителями иранского правительства и германским консорциумом «Крупп» было заключено соглашение о строительстве в районе Кереджа двух доменных печей с ежедневным производством 150 т чугуна¹².

Германское оборудование было установлено на стратегически важных объектах Ирана: Ганиабадском медеплавильном комбинате, Аминабадском и Анарекском металлургических комбинатах, Парчинском химическом комбинате, цементных заводах в Тегеране, Мешхеде, Ширазе и Тебризе, тегеранской табачной фабрике. Германские лаки, краски, бумага, медикаменты заполнили иранские прилавки.

Почему же немцы так легко и непринужденно вытеснили конкурентов с иранского рынка? Назовем основные причины.

Прежде всего, это высокое качество германских товаров и оборудования. Бумага, которую немцы поставляли для печати иранских газет, заметно превосходила советские образцы. Лаки и краски из Германии также отличались высоким качеством. Выше качеством были и германские станки, чем аналогичное оборудование из Советского Союза¹³. В этом отношении трудно не согласиться с Мохаммедом Резой, бывшим тогда наследником престола: «То, что мой отец установил с Германией весьма тесные экономические отношения, не должно вызывать удивления, так как качество немецких изделий и высокий уровень подготовки немецких специалистов были хорошо известны, а в торговле с Ираном они предлагали достаточно выгодные условия»¹⁴.

Ему вторит известный российский специалист – знаток тайных операций на Среднем Востоке Ю.Л. Кузнец: «Однако верно и то, что авторитет немецких специалистов был высоким. Они заслужили это своей компетентностью и добросовестностью. Десятки тысяч иранцев убеждались в этом непосредственно на объектах ирано-германского сотрудничества, в частности, на Трансиранской железной дороге, где немцы трудились на всех уровнях, вплоть до паровозных бригад»¹⁵.

Экспансия Германии в Иран была развернута самая мощная. Понимая, в чем заключаются интересы иранского бизнеса, немцы умело потакали желаниям своих восточных партнеров. Они предложили Ирану разнообразную номенклатуру товаров, удовлетворяя практически всем его потребностям в импортной продукции. Одновременно немцы скупали иранские товары, перечень которых был необычайно широк. Согласно данным иранского таможенного

¹² Алиев С.М. История Ирана. XX век. М.: Институт востоковедения РАН, Крафт+, 2004. С. 177.

¹³ РГАЭ. Ф. 413. 1939. Обзор состояния внешней торговли Ирана. Оп. 13. Д. 2554. Л. 47; РГАЭ. Ф. 413. 1936. Отчет торгпредства СССР в Иране за 1936 г. Оп. 13. Д. 1390. Л. 19.

¹⁴ Pahlavi M. Reza Shah. Mission for my Country. London: Hutchinson, 1961. P. 68.

¹⁵ Кузнец Ю.Л. Тегеран-43. М.: Яуза, Эксмо, 2003. С. 38

отчета, по количеству наименований экспортных и импортных товаров Ирана Германия занимала первое место. В результате уже к 1937 г. ее показатели по количеству наименований в иранском импорте превысили показатели СССР на 50 %, в экспорте – на 100 %¹⁶.

Отметим умелую организацию торговли. Немцы не только поставляли оборудование, но и монтировали его на месте. Любой немецкий товар сопровождала краткая инструкция, написанная на бумаге высшего сорта. Советская же документация, прилагавшаяся к товарам, как правило, была небрежно оформлена, в ней часто встречались опечатки, подчистки и другие дефекты. Станки из СССР иногда привозилась в разбитом виде, чего нельзя было сказать о технике, поступавшей из Германии.

Снабжая Иран современным оборудованием, Германия посылала для его монтажа высококвалифицированных специалистов. Берлин использовал любой повод для того, чтобы направить на Средний Восток своих вояжеров, техников, инженеров и просто рабочих. Только в 1936 г. в Иран было направлено 800 подданных Германии. Они работали на строительстве промышленных объектов, при прокладке новых дорог, занимали ответственные должности в иранских учреждениях. После того как в 1927 г. американский финансовый советник А. Мильспо покинул Иран, ведущие должности в Национальном банке – символе финансового единства страны, которому от Шахиншахского банка было передано право эмиссии, – занимали только немцы. Даже директором типографии меджлиса¹⁷ был назначен немец Вильгельм Вебер. Много германских специалистов трудилось и в сельском хозяйстве Ирана. Агрономы, ветеринары, животноводы, зоотехники десятками прибывали в Иран.

Заслуживала внимание германская реклама. В больших количествах немцы распространяли каталоги, специализированные технические и коммерческие журналы, прославлявшие достижения германской техники. На авторучках, зажигалках, расческах и других мелких предметах, которые немцы вручали иранским чиновникам и купцам в качестве сувенира, обязательно присутствовала реклама какой-нибудь немецкой фирмы. Не забывали немцы заниматься компрометацией своих конкурентов. Они распространяли слухи, что Советский Союз не имеет собственной промышленности и, кроме железных балок и гвоздей, русские больше ничего делать не умеют, а поставляемое ими оборудование является устаревшим немецким, которое перекрасили в СССР и под советской маркой отправили в Иран.

Секрет успешного проникновения немцев на иранский рынок заключался и в менталитете немцев, для которых, как хорошо известно, пунктуальность и порядок превыше всего. В отличие от специалистов из Советского Союза, на все запросы иранской стороны немцы реагировали оперативно. Так, в 1936 г. Иранское акционерное строительное общество обратилось в торгпредство СССР с запросом о поставках оборудования для строительства кирпичного завода, деревоперерабатывающей мастерской и лесосушилки. В течение нескольких месяцев иранцы ждали ответа, но так и не получили его. Затем они связались с немецкими фирмами, которые разработали свои предложения в кратчайший срок. «...Мы всегда проявляли недопустимую неповоротливость, товаров при повышенном спросе и при высоких ценах на рынке быстро не даем, а немцы всегда с большой оперативностью используют моменты хорошей конъюнктуры рынка», – констатировалось в одном из отчетов советского торгпредства в Иране.

Немалое значение в обострении взаимоотношений с Ираном в этот период имела и работа советских торговых организаций в Иране. Расхлябанность и безответственность работников, несоответственно высокие цены на поставляемые Ирану товары, заключение крупных сделок только с ограниченным кругом купцов, игнорирование запросов иранского рынка – принудительный ассортимент, неаккуратная доставка иранского транзита и т. п. – все это толкало широкие круги иранского купечества на бойкот советских торговых организаций.

¹⁶ Оришев А.Б. Иранский узел. Схватка разведок. 1936–1945. М.: Вече, 2009. С. 29.

¹⁷ Меджлис иранский парламент.

Довольно часто случались сбои в работе МорAGENTства в порту Пехлеви по транспортировке, приему и сдаче грузов, поступавших в Иран из СССР и транзитом из Германии. В особенности это касалось грузов, поступавших в Пехлеви не по количеству мест или штук, а так называемым «навалом». К этим товарам относились главным образом пиломатериалы, импортируемые Ираном из СССР, и металлические изделия, импортируемые из третьих стран. Груз на протяжении пути переходил из рук в руки, и формально при этой системе никто из транспортных организаций никакой ответственности за его сохранность не нес. При такой организации поставок появлялись возможности для хищений, в результате чего грузополучатели заявляли о недостачах.

Имели место случаи задержки иранских экспортных грузов: перегрузки на пограничной станции Джульфа, неподачи вагонов, задержки грузов в Батумском порту и другие нарушения. Подобные мероприятия Совирантуркторга рассматривались иранцами как меры, сознательно принимаемые советской стороной с целью задержать иранский экспорт в страны Европы, в частности в Германию, обесценить его и таким образом не выполнить обязательства, принятые СССР по ст. 20 советско-иранского договора 1921 г. Отметим, что северное направление – путь доставки грузов транзитом через территорию СССР – имел особое значение для германо-иранской торговли, так как здесь перевозки из Ирана в Германию составляли 50 % от всех перевозимых грузов, а перевозки в Иран из Германии – 90 %¹⁸.

Но на этом проблемы в российско-иранской торговле не заканчивались. Имела место элементарная коррупция. Вот как, например, описывает Г. Агабеков, бывший в 1925–1928 гг. резидентом ОГПУ в Тегеране, проделки чиновников советских внешнеэкономических ведомств в Иране и покровительство им из самых верхних эшелонов власти в Москве: «Перед выездом из Сабзеvara ко мне обратился с просьбой подвезти до Мешхеда интеллигентного вида перс. Я согласился, и мы выехали из города. В дороге мой спутник спросил меня, в каком советском учреждении я работаю. “В торгпредстве”, – ответил я. “Вы, наверно, очень богатый человек?”, – спросил он. “Почему вы так думаете?”. “Потому что вы служите в торгпредстве в Тегеране. Если здесь, в провинции, ваши служащие зарабатывают большие деньги, то в центре имеют ещё больше”. “Да, у нас хорошее жалованье”. “Какое там жалованье! Да разрешили бы мне заготавливать хлопок и шерсть для Советской власти, так я сам бы платил жалованье государству. Кто из ваших служащих живет на жалованье? Вот хотя бы купец Алиев. Он продал вашему хлопковому комитету голые стены под видом хлопкоперерабатывающего завода за 40 тысяч туманов (около 8 тысяч долларов по тогдашнему курсу). Заместитель председателя хлопкома получил из этих 40 тысяч от Алиева 10 тысяч... Сахар и нефть. Советские синдикаты продают их только двум купцам в Мешхеде, а те устанавливают на рынке цены, какие хотят. А за это платят представителям синдикатов проценты. А кроме этого в синдикатах заработки на таре, на утечке, на подмочке. Это же тысячи и тысячи, а вы говорите о жалованье. Кто из них смотрит на жалованье! Да на такой работе можно стать богачом”, – мечтательно закончил он»¹⁹.

* * *

Иран, как хорошо известно, богат полезными ископаемыми. По запасам нефти и газа он занимает одно из первых мест в мире. «Если бы у нас было столько воды, сколько нефти, мы накормили бы хлебом всех живущих на земле», – говорят иногда в Иране. Так, по данным Международного агентства по энергетике (ЕА), только нефтяные запасы Ирана составляют 89 т млрд баррелей, или приблизительно 9 % мировых запасов²⁰.

¹⁸ Оришев А.Б. Указ. соч. С. 30–33.

¹⁹ Агабеков Г. Секретный террор. М.: Терра, 1998. С. 147–148.

²⁰ Алиев С.М. Указ. соч. С. 26.

У СССР интерес к иранской нефти возник задолго до Второй мировой войны. Еще в 1925 г. советское правительство приобрело у бывшего российского промышленника А. Хоштария контрольный пакет акций иранской нефтяной компании «Кевир-Хуриан»²¹. Этой компании принадлежало несколько маломощных нефтяных скважин возле деревушек Хаджиабад и Хуриан в районе г. Семнана. Достоверных данных об объеме производства указанной компании не существует. Но хорошо известно, что иранские власти оспаривали законность сделки между бывшим российским подданным и правительством СССР. Тяжба по этому вопросу продолжалась почти до середины 1950-х гг.²²

Советско-иранские соглашения о компании «Кевир-Хуриан» подписывались в 1928 г. и в 1929 г., но не были реализованы. Вопрос о северной нефти вновь стал активно подниматься во внешних отношениях Ирана в 1932–1933 гг. в период его борьбы за отмену английской концессии 1903 г. Эта концессия была отменена, но все попытки максимально ослабить позиции Англии так и ничего не дали. В 1933 г. было подписано новое концессионное соглашение, сохранившее за Англо-персидской нефтяной компанией фактически прежние позиции. Вопрос о северной нефти как возможном средстве давления на позицию Англии был поднят в Москве во время визита в 1932 г. в СССР министра двора А. Теймурташа²³, который подготовил соглашение о смешанной нефтяной компании «Кевир-Хуриан» и добился его утверждения на заседании совета министров. «Русские помогут нам избавиться от англичан, – полагал министр двора, – у них есть свои интересы, и было бы благоразумно их удовлетворить. По крайней мере они не будут обдирать страну как липку». Впоследствии в связи с арестом А. Теймурташа соглашение не было претворено в жизнь. Но отменить его официально иранцы тоже не решились.

В 1930-е гг. интерес к иранской нефти проявляла уже Германия. Само собой разумеется, что Германии получить в свои руки иранское стратегическое сырье было крайне необходимо. Государству, готовившемуся к схватке за мировое господство, недоставало нефти, а также железной руды, цветных металлов, продовольствия и т. п. Проблема сырья оставалась одним из уязвимых мест германской экономики, и частично решить ее планировалось с помощью Ирана.

Поэтому неслучайно еще в июне 1935 г. в Иране объявились первые немецкие геологи²⁴, целью которых было изучение возможностей участия германских фирм в добыче иранских полезных ископаемых.

Сказочные нефтяные богатства Ирана давно привлекали внимание фюрера. Срочно провести необходимые переговоры, предложить выгодные условия, получить свой, хотя бы небольшой кусок от иранского нефтяного пирога, – такие задачи Гитлер ставил перед Я. Шахтом.

Сами переговоры между Германией и Ираном о поставках нефти начались в 1936 г. Выгодные закупки немецкого оборудования взамен за право добычи нефти предлагались Берлином²⁵. Этим вопросом был озабочен Я. Шахт, когда добивался расположения иранских вла-

²¹ По некоторым данным, месторождения в Кевир-Хуриане были выкуплены у А. Хоштария, которому эти земли были подарены еще Насреддин-шахом. Английский исследователь Л. Элвелл-Саттон пишет, что первоначально пять северных провинций Ирана были отданы в 1896 г. Русско-персидской нефтяной компании, но бурение нефтяных скважин около Сари было безрезультатным, а А.М. Хоштария при поддержке царского правительства официально добился прав на эту концессию в 1916 г. См.: Элвелл-Саттон Л. Иранская нефть. М.: Издательство иностранной литературы, 1956. С. 51.

²² Алиев С.М. Указ. соч. С. 211.

²³ Вопрос о совместной нефтяной компании «Кевир Хуриан» поднимался и во время визита А. Теймурташа в Москву в 1926 г. А. Теймурташ вместе с Реза-шахом должны были стать крупнейшими акционерами компании с иранской стороны. См.: Арабаджян З.А. Иран: противостояние империям (1918–1941). М.: ИВРАН, 1996. С.139.

²⁴ АВП РФ. Ф. 94. 1935. Обзор гиланской прессы за июнь 1935 г. Оп. 19. П. 48. Д. 26. Л. 117.

²⁵ Документы внешней политики СССР. Т. 19. М.: Политиздат, 1974. С. 584.

стей. Немецкие кредиты, выгодные проценты были обещаны Ирану. Дай согласие Реза-шах, и в Иране появились бы первые германо-иранские смешанные общества²⁶.

Но не только о нефти мечтали в Берлине. Иранский уголь тоже был желанной целью. Получить доступ к угольным пластам Шахруда и Шемшека, расположенным на юге Эльбрусского бассейна...²⁷. К миллионам тоннам угля... И не случайно на местном оборудовании появились фирменные клейма германских фирм.

* * *

Серьезная борьба развернулась между великими державами за установление контроля над внутренними коммуникациями Ирана. И вновь преуспела Германия. При помощи немецких фирм строились стратегические мосты и автострады, по которым осуществлялась преобладающая часть перевозок и грузов внутри страны. Этим занималась в основном фирма «Хох-Тиев». Конечно, они не представляли собой типичные немецкие автобаны, но в условиях Ирана это было весьма полезное строительство.

Немцы внесли свой вклад в становление сети иранских авиалиний. В 1930-е гг. на рассмотрение шаха был предложен претенциозный проект «Берлин – Кабул». По замыслу германских стратегов полеты немецких самолетов должны были осуществляться по территории Ирана, Афганистана с перспективой распространения авиасообщения до союзной Японии.

Определенные успехи были достигнуты в вопросе установления немецкого контроля над морским транспортом Ирана. Ранее Германия не отличалась мощью своего флота, но лавры морской державы не давали покоя Гитлеру. Вытеснить Англию со всех морских путей было одним из заветных желаний фюрера. И начать можно было с Персидского залива. И как результат – его порты стали обслуживаться пароходами германских компаний. Всемирно известная «Ганза-Бремен» в полный голос заявила о себе, ее корабли решительно бросили якорь в заливе. В самом же Тегеране располагалось торговое представительство фирмы. «Капитаном» немецкого бизнеса в водах Персидского залива предстояло стать Эдуарду Шлютеру – небезлестному предпринимателю, не лишенному организаторских способностей. Но и это было только начало. Вскоре силами немецких фирм «Лан», «Сифитекс», «Шихау», «Юлиус Бергер» были построены судостроительные и судоремонтные верфи, сухие доки в портах Алинабад, Пехлеви, Ноушехр на Каспийском море и новый порт в Ленге в Персидском заливе²⁸. Германский спрут с каждым днем все пристальнее присматривался к Ирану, примеряя свои щупальца к этой стране.

* * *

Все эти и другие разрабатываемые немцами экономико-политические проекты свидетельствовали о нарастающих интересах германского капитала к Ирану. Ожидания барышей от их реализации, вполне реальные внешнеполитические успехи Третьего рейха в Европе создавали почву для распространения в Иране чувств симпатии к Третьему рейху и лично Гитлеру.

Первые германофилы появились в Иране в далеком 1909 г. Выступая в парламенте против имперской политики России и Англии в Иране, они призывали к расширению экономических и политических связей с Германией. В годы Первой мировой войны они открыто склоняли шаха к противоборству с Антантой.

²⁶ РГАЭ. 1937. Ф. 413. Обзор экономики и конъюнктуры Ирана за 1936 г. Оп. 13. Д. 1394. Л. 8.

²⁷ Malekpur A. Die Wirtschaftsverfassung Irans. Berlin, 1935. S. 37–38.

²⁸ Оришев А.Б. Указ. соч. С. 44.

С приходом к власти Реза-шаха местные политики уже опасались делать какие-либо хвалебные заявления относительно той или иной иностранной державы. Для проживавших в те годы в Иране иностранцев существовало негласное правило: хочешь избавиться от назойливого перса, заведи с ним разговор о внешней политике.

Все в Иране знали, насколько шах заражен ксенофобией. Он не любил, когда кто-то из его окружения позволял себе восхищаться достижениями западной цивилизации, был яростным противником заимствования в персидский язык чужих слов. Неудовольствие у шаха вызывало и просто бытовое преклонение перед иноземцами. И больше всего он не любил тех, кто заискивал перед заносчивыми британцами. Отсюда становится ясным, почему чиновники считали за правило не иметь собственных мнений и высказывали лишь взгляды, строго соответствующие настроению шаха.

Поэтому мы можем предположить с большей или меньшей степенью вероятности, что в парламенте прогерманские силы возглавлял депутат Х. Новбахт, среди крупных государственных чиновников германофилами являлись М. Бадер, М. Дафтари, А. Мансур. Мы глубоко убеждены лишь в том, что наибольшие симпатии к нацистской Германии испытывали в среде высшего командного состава иранской армии.

Еще сложнее определить с теми, кто симпатизировал СССР. Безусловно, такими были коммунисты, но это были представители нелегальной оппозиции. Что касается представителей правящих кругов, то по вышеназванным причинам своих симпатий Советскому Союзу или лично Сталину не высказывал никто.

Исключением служил министр двора Абдольхосейн Теймурташ, получивший специальное академическое военное образование в Санкт-Петербурге. По некоторым сведениям, он поддерживал тайные связи с советской разведкой. И как уже говорилось, А. Теймурташ был убежденный сторонник того, что в нефтяных конфликтах с Англией для Ирана было бы благоразумно опереться на СССР. Однако в июне 1933 г. за получение взятки министр двора был осужден на пять лет тюремного заключения. Так шах избавился от единственного в его окружении просоветски настроенного государственного деятеля.

В 1930-е гг. правительство Ирана неоднократно поддерживало страны «оси» в их агрессивных внешнеполитических акциях. В Иране с пониманием отнеслись к введению в Германии всеобщей воинской повинности, поддержали авантюру Б. Муссолини в Абиссинии. В Гражданской войне в Испании симпатии Реза-шаха были на стороне Франко. И даже аншлюс Австрии был восторженно встречен в Тегеране. Дипломатические успехи Гитлера, который, не применяя оружия, решил важнейшую внешнеполитическую задачу, вызвали зависть правителей Ирана.

Но будем справедливы. Внешнеполитический курс иранского правительства накануне Второй мировой войны прогерманским назвать нельзя. Несмотря на личные симпатии и то, что большая часть иранской правящей элиты склонялась к союзу с Германией, Реза-шах не спешил переносить сотрудничество с Гитлером из области экономической в политическую. Правитель Ирана приструнил местных фашистов, запретив им устраивать пышные фейерверки в честь успехов Гитлера в Европе. Наиболее активных сторонников Германии подвергли репрессиям. Осенью 1939 г. иранская полиция арестовала ряд лиц, подозреваемых в попытке организовать государственный переворот. В числе арестованных были курсанты офицерского училища, общественно-политические деятели, связанные с немцами еще со времен Первой мировой войны²⁹. Иранское правительство ответило отказом на предложение Германии преобразовать ее дипломатическую миссию в Тегеране в посольство³⁰.

²⁹ Алиев С.М. Указ. соч. С. 198.

³⁰ Агаев С.Л. Иран: внешняя политика и проблема независимости. 1925–1941. М.: Наука, 1971. С. 278.

«Несмотря на то что большинство представителей иранских чиновников и буржуазии были сторонниками Германии, сам Реза-шах старался придерживаться позиции нейтралитета»³¹, – был вынужден признать британский посланник в Тегеране Р. Буллард.

Тревогу в Иране вызвали результаты Мюнхенской конференции. С внешней стороны все было как обычно – иранские газеты посвятили мюнхенскому совещанию передовицы, в которых поддержали совместное решение Гитлера, Муссолини, Чемберлена и Даладье. Между тем в одном из секретных бюллетеней ТАСС отмечалось, что «иранские деятели по поводу результатов Мюнхенской конференции высказывают опасения, подчеркивая, что этот сговор является уроком и предупреждением для всех малых государств»³². В Тегеране давали себе отчет, что продиктованное Чехословакией под угрозой применения силы решение представляло собой проявление неприкрытого произвола. Перспектива повторить судьбу президента Чехословакии Бенеша, которого даже не пустили на заседание, решавшего судьбу его страны, Реза-шаха не прельщала.

О том, что германо-иранские отношения не были безоблачными, говорит история генерала Айрома. Бывший шеф полиции и близкий родственник одной из жен шаха бежал в Германию, попросив там политического убежища. И, несмотря на все просьбы иранского правительства вернуть беглеца, Берлин ответил отказом.

И Реза-шах стал прозревать. Захватнические планы Гитлера не были для него больше секретом. Создать систему региональной безопасности из восточных государств – этим был озабочен шах Ирана. Ради этой идеи он предпочел забыть о противоречиях со своими соседями – Афганистаном, Ираком, Турцией. В результате был подписан договор, оформивший военно-политический блок четырёх стран Ближнего и Среднего Востока – Турции, Ирана, Ирака и Афганистана. Подписан он был 8 июля 1937 г. в Тегеране, в Саадабадском дворце иранского шаха.

Одновременно состоялась первая и по существу единственная сессия нового Постоянного совета четырех стран. И будучи союзниками по пакту, два его участника – Иран и Турция – организовали бесперебойное сообщение Тебриз – Трабзон, далее до румынского порта Констанца. Однако общая стратегия внешнеполитической ориентации не была выработана, второе заседание совета в Кабуле не состоялось. После того как весной 1939 г. Германия оккупировала Чехословакию, а Италия – Албанию, Иран и Турция в апреле 1939 г. инициировали созыв заседания четырех государств в Тегеране. Предполагалось обсудить вопрос о превращении пакта в оборонительный союз, однако на заседании Турцию представлял не министр иностранных дел, а посол, что не дало возможности юридически закрепить достигнутые договоренности. Эта встреча членов Саадабадского пакта стала последней, и хотя влияние этой организации на расстановку сил оказалось ничтожно малым, стало очевидным, что ее участники всячески будут затягивать открытое присоединение к какой-либо военной группировке.

³¹ Bullard R. Britain and the Middle East. London: Hutchinson Univ. library, 1964. P. 130–134.

³² АВП РФ. Ф. 94. 1938. Бюллетень не для печати № 286. 13 октября 1938 г. Оп. 22. П. 60. Д. 25.

Глава 2. Шпионаж под маской «арийского братства»

Тем временем немцы все глубже и глубже проникали в Иран, стремясь создать в нем «пятую колонну». Центральное место в пропаганде германских фашистов в Иране заняли умо-зрительные теории об общем арийском происхождении немцев и иранцев, о так называемом «арийском братстве» двух столь разных народов.

Удивительно, но уже в 1936 г. специальным декретом германское правительство освободило иранцев как «чистокровных арийцев» от действия ограничительных положений нюрн-бергских расистских законов. Для того чтобы возвеличить роль Ирана как места рождения арийской расы, название государства «Персия» было официально изменено на «Иран» («Иран» от древнеиранского «Агуапат» – «страна ариев»), а подданные этого государства стали именоваться «иранцами». Есть сведения, что сделано это было с подачи германских дипломатов³³.

Реза-шаху и его близкому окружению импонировало провозглашенное нацистскими идеологами псевдонаучное учение о превосходстве арийцев над другими расами. Целый ряд националистически и монархически настроенных публицистов, историков и филологов прилагали большие усилия с тем, чтобы соотнести идейные основы арийской теории германского фашизма с интерпретацией истории доисламских иранских монархий. Особенно царства Ахеменидов и Сасанидов. Характерно, что эта тенденция после образования первого Тегеранского университета значительно усилилась³⁴.

Будучи сторонником прославления величия ахеменидского и сасанидского периодов истории Ирана, Реза-шах привлек на свою сторону лидеров и сторонников правонационалистической реформаторской группировки «Таджадод», которые развернули широкую кампанию среди иранцев за возрождение былого величия Ирана и упрочение основ монархии³⁵.

Германские пропагандисты не просчитались. Идея о превосходстве арийцев над другими народами иранцам была ближе и понятней, чем эфемерные советские лозунги интернационализма и мировой революции. Национализм, в отличие от лозунгов классовой борьбы, имел в Иране под собой прочный, многовековой фундамент³⁶.

Для унификации общественно-культурного разнообразия страны и возрождения монархического единовластия Реза-шах и его соратники сделали идею персидского шовинизма и паниранизма главным постулатом государственной идеологии. В соответствии с этой идеологией все печатные издания должны были осуществляться исключительно на персидском языке. Со временем были закрыты все те учебные заведения, где преподавание велось не на персидском.

На литературном факультете Тегеранского университета было введено преподавание Авесты и изучение зороастрийской философии и этики, текстов на языках пехлеви и дари. Молодые иранцы начали проявлять интерес к изучению своей древней истории и памятникам материальной культуры, а также к древним иранским языкам³⁷.

Иран – это «очаг возрождения арийской расы», – писала пресса в Тегеране³⁸. И настоящие арийцы живут именно здесь – в этом были свято убеждены местные националисты. Харак-

³³ Годс М.Р. Иран в XX веке. Политическая история. М.: Наука, 1994. С. 144.

³⁴ См. подробнее: Алиев С.М. Указ. соч. С. 192.

³⁵ Авдеев Г.П. Крушение монархии и образование Исламской республики вехи истории Ирана XX века // Иран. История, экономика, культура. Памяти С.М. Алиева. М.: ИВ РАН, 2009. С. 46.

³⁶ Spector I. The Soviet Union and the Muslim World. 1917–1958. Seattle: Univ. of Washington press, 1959. P. 186–187.

³⁷ Гитлера и Реза-шаха объединял общий интерес к зороастризму. Германский вождь проявлял искренний интерес к этой религии, собрав личный богатейший архив документов. Не случайно в качестве символа национал-социалистского движения он выбрал свастику огненный знак зороастризма.

³⁸ АВП РФ. Ф. 94. 1937. Обзор тегеранской прессы за 8 декабря 1937 г. Оп. 21а. П. 122. Д. 2. Л. 211–212.

терный пример: автор популярной брошюры «Раса и язык», вышедшей в широкую печать незадолго до начала Второй мировой войны, с апломбом утверждал: «Все ученые, изучавшие вопрос о первоначальной родине арийцев, единогласны в том, что среди арийцев именно иранцы составили группу, больше всех создавшую государственность в стране, называемую Ираном»³⁹.

Активную пропаганду немцы вели также в чайханах – в укромных местечках, где можно было пообщаться с европейцем, не беспокоясь за последствия. У мечетей, на площадях около репродукторов, где так любили собираться иранцы, можно было повстречать немецких пропагандистов. Эта пропаганда велась с учетом того, что мусульман в Иране – не менее 95 % населения. В связи с этим германские политики особое значение уделяли идеям исламизма, увязав их с персидским национализмом. Они полагали, что усиление упомянутых течений будет содействовать росту враждебных отношений Ирана с Советским Союзом, экспортировавшим на Восток идеи атеизма и интернационализма.

С каждым годом немецкая пропаганда становилась все агрессивней. Навеять атмосферу страха, запугать иранцев советской угрозой стремились немцы. И методы применялись самые изощренные. Люди Й. Геббельса распускали слухи о зверствах большевиков в населенных мусульманами районах Советского Союза, об унижениях, которым будто бы подвергаются «правоверные» в СССР, о том, что большевики разрушают мечети, превращая их в кладовые и хлев для животных. Приводились дикие измышления о том, что только за одно слово «Аллах» советские власти вырывают язык. Немцы убеждали простых иранцев, что нельзя верить коммунистам, что Ленин – это воплощение шайтана на этой земле. Верьте только нам и помните, что истинные друзья мусульманского мира находятся в Берлине – убеждали наивных иранцев немецкие пропагандисты.

Конечно, язык большевики мусульманам не вырывали – это было явной ложью. Но антирелигиозная пропаганда ими велась, а отдельные реверансы советских вождей в отношении религии были продиктованы исключительно конъюнктурными соображениями, что, конечно же, использовалось немецкой пропагандой. Так было до самого 1941 г., когда по личному указанию И. Сталина было создано Центральное духовное управление мусульман Средней Азии и Казахстана. Этим шагом Советское государство признало наличие ислама в этом регионе не как проблемы, с которой нужно бороться до победного конца, но как политическую реальность. Примерно в это же время в СССР был упразднен одиозный «Союз воинствующих безбожников».

«Мы защитим вас и вашу страну от русских большевиков и английских плутократов. Антиимпериализм – стержень политики Гитлера, а Германия – заступница угнетенных народов Востока, – уверяла иранцев германская пропаганда, – не надо бояться Германии, она не сосед Ирана, как Советский Союз и Британская империя, и не может представлять для иранской независимости какой-нибудь серьезной опасности».

С целью привлечения Реза-шаха на свою сторону в ведомстве Й. Геббельса ставили иранского шаха на одну высоту с самим Гитлером. Примером тому может служить книга Г. Мельцига, в которой не только восхвалялись личные качества иранского монарха, но и проводились параллели между Реза-шахом Пехлеви и фюрером германской нации⁴⁰. Подобные публикации были как раз в привычном для шаха духе, так как местная иранская пресса также не скупилась на хвалебные статьи в адрес своего вождя. В кабинетах иранских чиновников можно было увидеть настенные календари с изображением Реза-шаха, Наполеона, Муссолини. Причем изображение шаха располагалась над изображениями других знаменитостей.

³⁹ РГВА. Ф. 25895. 1938. Переписка с тегеранской резидентурой. Оп. 1. Д. 932. Л. 182.

⁴⁰ См.: Melzig H. Resa Schah. Der Aufstieg Irans und die Großmächte. Stuttgart: Union deutsche Verlagsgesellschaft, 1936.

Германская политика была направлена и на установление прямых политических контактов с иранцами, с предводителями полукочевых племен, представителями местных националистов. Те в свою очередь проявляли усиленный интерес к Германии, рассматривая ее как силу, способную оказать помощь в их священной борьбе за независимость.

Прогерманские пропагандистские материалы публиковали многие влиятельные иранские издания. Особая роль отводилась журналу «Иран-е Бастан» («Древний Иран»), популярному среди иранской националистически настроенной молодежи. «Главная цель германской нации состоит в том, чтобы вернуть ей былую славу, возрождая национальную гордость. В точности таковы и наши цели», – писалось в журнале. На его страницах можно было найти биографии Гитлера и Геринга, описания «великих строек» Третьего рейха, пропаганду против «процентного рабства» (ислам, как известно, запрещает взимание процентов), материалы о мировом еврейском заговоре и т. п. Приветствуйте друг друга, как это делают в Берлине, с четко вытянутой рукой. Только вместо «Хайль Гитлер» кричите «Зенде бад шах» (буквально – «я раб шаха»), – такие и тому подобные советы никого не стесняясь публиковал «Иран-е Бастан».

Но одной пропагандой немцы не ограничивались. Начиная с 1936 г. авбер (военная разведка и контрразведка в нацистской Германии) и СД (служба безопасности) стали «плести сети» в Иране, шаг за шагом превращая иранскую территорию в базу для проведения шпионско-подрывной деятельности, направленной против Советского Союза и Великобритании.

Общее руководство германской агентурой на Среднем Востоке Гитлер поручил посланнику Германии в Тегеране Гансу Сменду. Энергии тому было не занимать, и уже весной 1936 г. Г. Сменд под предлогом осмотра памятников древней иранской культуры совершил поездку по югу страны. Это был всего лишь удобный предлог для того, чтобы, легально передвигаясь по стране, собрать ценный материал для спецслужб. Не теряя времени даром, летом этого же года он побывал и на севере Ирана⁴¹. В организации превентивной разведки Г. Сменду активно помогал другой дипломат Третьего рейха, военный атташе в Турции и Греции полковник Роде.

Первым делом германское руководство поручило своим агентам в Иране задание собрать исчерпывающую информацию об Абадане. Этот интерес был понятен. В начале XX в. в районе города вблизи каких-то 50 км от Персидского залива были обнаружены богатые месторождения нефти, а в 1909—1913 гг. Англо-персидская нефтяная компания построила здесь нефтеперерабатывающий завод, который к 1938 г. стал крупнейшим предприятием данного профиля в мире.

Не обошли немцы вниманием Исфахан – центр текстильной промышленности Ирана, где имелось девять крупных текстильных фабрик с количеством рабочих свыше 10 тыс. человек. Немцы же превратили город в другой центр – центр шпионажа, из которого координировали деятельность своей агентуры на юге страны. Возглавил его Шюнеман, человек с 20-летним стажем пребывания в Иране и прекрасно владевший персидским языком.

Совместно с военным атташе германской дипломатической миссии Шюнеман развил энергичную деятельность по привлечению на сторону Третьего рейха вождей иранских кочевых племен. С одной стороны, на юге Ирана власть центрального правительства была традиционно слаба. С другой – хозяйствующие здесь англичане активно поддерживали отдельных лидеров, что толкало к сотрудничеству с немцами других. Перспективы использования племенных вождей были весьма радужными, особенно с учетом того, что к концу Первой мировой войны у многих полукочевых племен накопилось большое количество вооружения. В результате кашкайцы и бахтиары, вооруженные четырьмя тысячами винтовок, стали поддерживать регулярные связи с Германией⁴².

⁴¹ АВП РФ. Ф. 94. 1936. Пресс-сводки из иранских газет за 1936 г. Оп. 20а. П. 121. Д. 3. Л. 41, 157.

⁴² Pal Dh. Campaign in Western Asia. Official History of the Indian Armed Forces in the Second World War. 1939–1945. Calcutta:

Не менее важной задачей для германской разведки был сбор шпионских сведений об СССР. Плести шпионскую сеть, вербовать нужных людей с последующим забросом на советскую территорию было поручено Вольфу и Платте. Прикрытием их деятельности служила служба в транспортной конторе «Нувель Иран Экспресс», расположенной в торговом центре на южном побережье Каспия – г. Пехлеви. В шпионской иерархии Вольф занимал довольно высокое место благодаря своим навыкам. Он прекрасно владел персидским, русским языками. За долгие годы пребывания в Иране создал на побережье Каспийского моря разветвленную шпионскую сеть. Всезнающие местные моряки, лодочники и грузчики, работавшие в Пехлевийском порту, составили ядро его агентуры.

Серьезное внимание было уделено второму по значению промышленно-индустриальному городу Ирана – Тебризу. Под маской германского консула здесь обосновался капитан абвера П. Леверкюн. Главная его задача заключалась в исследовании района Карадаг с целью выявления удобных позиций для развертывания германских экспедиционных войск⁴³. Вскоре, однако, разразился скандал, и незадачливый консул был вынужден покинуть город.

Уместно будет сказать, что для ведения шпионажа в Северном Иране сложились довольно хорошие условия. Азербайджан, как известно, был поделен границей на Советский (Азербайджанская Советская Социалистическая республика) и Иранский. Общие интересы национальных меньшинств создавали по обе стороны границы идеальные условия для заговоров и шпионажа.

Обратим внимание на еще один важный факт. После установления советской власти некоторые иностранные дипломатические миссии и консульства в России оказывали услуги российским гражданам, желавшим покинуть страну в страхе перед большевиками. Многие из этих людей перебрались в Иран, а некоторые остались на Кавказе и в Средней Азии. Значительная часть их находилась в тяжелом материальном положении и, не испытывая к СССР никаких чувств, кроме неприязни, была готова сотрудничать со спецслужбами. Понимая это, советские компетентные органы пытались очистить приграничные районы от «неблагонадежных элементов». Каждый советский пароход, прибывавший в Пехлеви, привозил на своем борту так называемых беженцев – людей русской и иранской национальностей, которых большевики не пожелали видеть на территории СССР.

В 1937 г. органами НКВД Туркмении была ликвидирована широко разветвленная шпионско-националистическая организация «Мелли-Фирка», инспирированная английской разведкой. Центр этой организации, ставившей перед собой цель отторжение среднеазиатских республик от СССР, находился на территории Афганистана в городе Герате. Практическая ее деятельность сводилась к подготовке вооруженного восстания, для чего в ряде районов Туркмении, в частности, Керки, Илотани, Ташаузе, Теджене, Мерве, Байрам-Али и других местах, были созданы шпионско-националистические повстанческие группы, а в прикордонной полосе в Афганистане консолидировались повстанческие кадры из бывших басмачей, расселенных вдоль советско-афганской границы⁴⁴. Деятельность организации приняла такой размах, что потребовалась личная санкция И. Сталина на арест всех связанных с организацией афганских подданных, проживавших на территории СССР⁴⁵. Кроме того, И. Сталиным было принято решение арестовать всех вернувшихся из Афганистана и Ирана баев и мулл, а дела арестованных рассмотреть на «тройках»⁴⁶.

Разочаровавшись в англичанах, бывшие участники басмаческого движения стали обращать свои взоры на германских фашистов. В 1937 г. один из их лидеров – Джунаид-хан –

Bisheshwar Prasad, 1957. P. 289; Агаев С.Л. Указ. соч. С. 93.

⁴³ Ибрагимбейли Х.М. Крах «Эдельвейса» и Ближний Востоке. М.: Наука, 1977. С. 30.

⁴⁴ РГАНИ. Ф. 89. Анна-Мухамедов (секретарь ЦК КП (б) Туркменистана) И.В. Сталину. Оп. 48. Д. 8. Л. 2.

⁴⁵ РГАНИ. Ф. 89. И. Сталин Анна-Мухамедову. 25 июля 1937 г. Оп. 48. Д. 7. Л. 1.

⁴⁶ РГАНИ. Ф. 89. Выписка из протокола № 54 заседания Политбюро ЦК ВКП (б) от 21 октября 1937 г. Оп. 73. Д. 104. Л. 1.

направил всем главарям бандформирований и лидерам эмигрантских организаций послание, в котором, в частности, указывал: «...фашистский строй существует во многих странах. Надо усиленно работать со всей доброжелательностью. Теперь надо разворачивать работу. Анна-Мурад-Ахуна уважайте как магометанскую религию, ибо он за экономический подъем и указывает нам правильный фашистский путь»⁴⁷. В этом же послании Джунаид-хан сообщал о том, что он уже получил много оружия и лошадей и что «через восемь месяцев начнется серьезная борьба с большевиками». Вряд ли стоит полагаться на достоверность последних сведений, так как германская активность на Среднем Востоке к 1937 г. не достигла масштабов, чтобы оказывать военную помощь эмигрантам. Но преуменьшать значение подобных настроений нельзя, ибо они создавали благоприятную почву для сотрудничества эмигрантов с германской разведкой в будущем.

В 1936 г. иранское правительство сделало необдуманный шаг – передало в руки немцев всю систему ветеринарного контроля в провинции Иранский Азербайджан. Это значительно облегчило деятельность абвера в этом стратегически важном регионе страны, предоставив германским «рыцарям плаща и кинжала» прекрасные условия для шпионажа.

Безусловно, такие действия вызвали протест со стороны СССР. 16 ноября 1936 г. в Тегеране во время беседы советский полномочный представитель в Иране А. Черных резко заявил министру иностранных дел Ирана Самии: «Вся система ветеринарного контроля в Азербайджане, где мы закупаем громадное количество скота, находится в руках немцев. Мы не можем рассчитывать на сколько-нибудь активное желание этих немецких специалистов оградить наши границы от заноса эпизоотий»⁴⁸.

Но это было только начало. Мощный поток немцев хлынул в Иран. Только в 1936–1937 гг. «изучать страну Дария и Кира» направилось 778 германских подданных, а в 1937–1938 гг. – 819. Большинство этих «туристов» не вернулось в Германию, осев в Тегеране и других иранских городах. С 1928 г. по 1938 г. численность германских подданных удесятирилась и к концу 1938 г. составляла 1500 человек⁴⁹.

А сейчас зададимся вопросом – а как на усиление германских позиций в Иране реагировали в Лондоне и в Москве? Следует сказать, что у великих держав германская экспансия вызвала неоднозначную реакцию. Так, Великобритания реального конкурента в лице Третьего рейха в Иране поначалу не видела. В известной степени англичане были удовлетворены ростом германского влияния, так как это, по их мнению, ослабляло позиции Советского Союза на Среднем Востоке. Примечательный факт: Шахиншахский банк, подконтрольный англичанам, выдавал иранским купцам путевые ссуды под товары, отгруженные в Германию в размере 85 % и, таким образом, значительно облегчал германо-иранскую торговлю⁵⁰. В связи с этим нельзя не согласиться с известным иранским публицистом Б. Аляви, утверждавшим, что пассивность Англии содействовала укреплению роли Германии в экономике и политике Ирана⁵¹.

Серьезнее успехи немцев воспринимали в Москве. СССР был встревожен германским проникновением. Советское правительство выразило официальный протест по поводу присутствия германского военного снаряжения и германских технических советников в Каспийском регионе. Реза-шах проигнорировал этот протест и аналогичные последующие протесты, вызванные приглашением итальянских и японских консультантов. Отказ шаха продлить в

⁴⁷ Оришев А.Б. Указ. соч. 80.

⁴⁸ Документы внешней политики СССР. Т. 19. М.: Политиздат, 1974. С. 589.

⁴⁹ Kochwasser F. Op. cit. S. 159.

⁵⁰ РГВА. Ф. 25985. 1938. Доклад: «Конъюнктура иранского рынка в 1937 г.» Оп. 1. Д. 934. Л. 65.

⁵¹ Alavi B. Kampfendes Iran. Berlin: Dietz Verlag, 1955. S. 69.

1938 г. срок действия торгового соглашения с Советским Союзом еще более усилил напряженность в отношениях между двумя государствами⁵².

Советское правительство было вынуждено резко сократить сеть своих консульств в Иране, и к 1938 г. в стране осталось лишь одно консульство СССР в порту Пехлеви. Одновременно советское правительство потребовало от Реза-шаха закрыть иранские консульства на территории СССР.

Тегеран принял и другие меры, носившие антисоветский характер. Так, в марте 1939 г. иранское правительство вопреки договору 1921 г. предоставило нефтяную и рудную концессию голландской фирме «Альгемеене эксплорацие мачапай», одной из дочерних компаний англо-голландского концерна «Роял дэтч шелл», возглавляемого Детердингом – одним из вдохновителей британской интервенции в СССР⁵³.

На севере Ирана территория концессии подходила близко к Баку. Голландская фирма получила право сооружать на территории концессии железные дороги, аэродромы, радиостанции, телеграфные и телефонные линии, горюче-заправочные станции. Таким образом, предоставляя эту концессию, иранские правящие круги способствовали созданию плацдарма для проведения враждебных действий против СССР, в частности против Бакинского нефтяного района.

⁵² Годс М.Р. Иран в XX веке. Политическая история: [пер. с англ.] М.: Наука, 1994. С. 159.

⁵³ Иванов М.С. Очерк истории Ирана. М.: Политиздат, 1952. С. 332.

Глава 3. Вторая мировая начинается: иранский нейтралитет и проблема транзита

На рассвете 1 сентября 1939 г. вермахт пересек границы Польши. Началась Вторая мировая война. Польская армия сопротивляться долго не смогла, а так называемая «странная война», которую вели с Германией «верные» польские союзники – Англия и Франция – только раззадорила аппетит фюрера. Он уже не думал о Варшаве, его мысли распространялись далеко на Восток, в Афганистан, Ирак, Индию, Иран...

Правителю же Ирана предстояло решить непростую задачу. Вступить в войну на стороне одной из воевавших сторон или же занять нейтральную позицию? От решения этой задачи зависела судьба его страны. Непростой выбор был сделан 4 сентября, когда иранское правительство сообщило о своем нейтралитете и категорично заявило, что будет защищать его силой оружия⁵⁴. Вслед за этим было опубликовано обращение министра внутренних дел ко всем иранским подданным, а также проживавшим в Иране иностранцам, в котором под угрозой наказания предлагалось воздержаться от всякого рода действий, противоречащих принципу нейтралитета⁵⁵.

Тем временем на Вильгельмштрассе (здесь в то время располагался МИД Германии) обдумывали – как отнестись к иранскому нейтралитету. Было принято решение: иранский нейтралитет принесет больше плюсов, чем неподготовленные боевые действия, в результате которых Германия лишалась бы столь необходимого ей иранского сырья. Нейтралитет же позволял дальше развивать германо-иранскую торговлю.

Между тем Вторая мировая война внесла серьезные коррективы в развитие германо-иранской торговли. Иранские товары, отправленные в Германию через Персидский залив, были заблокированы британцами. Товары, закупленные иранскими купцами в Германии, также не дошли до места назначения. Правительство Ирана было вынуждено через своего посла в Лондоне заявить решительный протест против решения Лондона о задержании и конфискации товаров⁵⁶, а в иранской печати появились многочисленные статьи, в которых местное купечество обрушилось с яростной критикой на коварных англичан.

Кроме задержки грузов англичане приняли еще ряд мер по вытеснению Германии с иранского рынка. Забыв о прежней скупости, они стали перебивать германские закупки в Иране. Хлопок немецкие фирмы закупали в среднем по 50–60 фунтов стерлингов за тонну, англичане же стали предлагать по 90 фунтов стерлингов, немцы покупали шерсть по цене 14 тыс. риалов за тонну, англичане предложили более высокую цену. Как это было непохоже на рачительных британцев!

Следующим шаг сделал подконтрольный англичанам Шахиншахский банк. Банкиры просто отказали в кредитах купцам, которые так или иначе были связаны с немцами. И напротив, кредиты были предоставлены купцам, вывозящим товары через юг в Соединенное королевство. Такую же позицию занял и Оттоманский банк⁵⁷.

Положение было действительно сложным. Для того чтобы сохранить германо-иранскую торговлю на довоенном уровне, у немцев был один выход: добиться согласия советского правительства на транзит товаров через территорию СССР. Эта идея была выдвинута в Тегеране еще

⁵⁴ РГАЭ. Ф. 413. 1939. Официальная декларация «Эттелаат». 4 сентября 1939 г. Оп. 13. Д. 2555. Л. 85.

⁵⁵ Агаев С.Л. Германский империализм в Иране... С. 75.

⁵⁶ РГАЭ. Ф. 413. Экономические обзоры иранской прессы. 1939. Оп. 13. Д. 2555. Л. 21.

⁵⁷ Петров Г. Влияние войны на экономическое положение Ирана // Мировое хозяйство и мировая политика. 1940. № 4–5. С. 241; о пагубных для Ирана действиях Шахиншахского банка см. подробнее: Данешпур А. Банк шахиншахи ва эмтйяз. Тегеран, 1948.

в первых числах сентября 1939 г. на ирано-германских переговорах. Но осуществлению этого замысла мешало то обстоятельство, что в 1938 г. иранские лидеры, отдав приоритет южному направлению в развитии внешней торговли, отказались возобновить торговый договор с СССР.

Однако начавшаяся война заставила Реза-шаха пересмотреть отношение к идее возобновления торгового договора. После того как южный путь из-за организованной англичанами блокады и начавшихся боевых действий стал малоэффективным, иранское руководство вновь стало проявлять заинтересованность в восстановлении торговых отношений с Советским Союзом. Убеждая СССР в своих «добрых намерениях», иранское правительство использовало любой повод, чтобы подчеркнуть, что заключение нового торгового договора является делом решенным.

Реза-шах в своем выступлении в меджлисе по вопросам внешней политики 10 октября 1939 г. отметил важность развития экономических связей с северным соседом и выразил надежду на то, что в ближайшем будущем отношения двух государств будут восстановлены в полном объеме⁵⁸.

Разумеется, в Москве все понимали и учитывали. Почувствовав слабость иранских позиций, Сталин не спешил заключать новый договор с Реза-шахом. Спешка здесь не нужна, рассудил советский лидер. И действительно, если иранская сторона стремилась возобновить торговый договор 1935 г., пытаясь заключить его на прежних, выгодных Ирану условиях, то советская дипломатия выступала за заключение принципиально нового договора. В результате возникших разногласий вопрос о транзите в первые месяцы начавшейся войны так и не был решен.

Говорят, что надежда умирает последней. И иранцы ее не теряли. Как решить проблему транзита? Ответ на этот вопрос, как казалось Реза-шаху, лежит на поверхности. Почву для такого оптимизма создавало наметившееся советско-германское сотрудничество. Обитателю шахского дворца тогда казалось, что с заключения 23 августа 1939 г. советско-германского договора о ненападении, именуемого еще пактом Риббентропа – Молотова, началась новая эра взаимоотношений между Москвой и Берлином.

Доля истины в рассуждениях иранского шаха была. Действительно, курс советского правительства на сближение с германским фашизмом открывал новые возможности для развития германо-иранских отношений. В ситуации, когда И. Сталин не прислушивался к просьбам иранцев, инициативу взяли на себя немцы, что было вполне логично. 28 сентября 1939 г., в день подписания советско-германского договора о дружбе и границе, И. Риббентроп, используя подвернувшуюся возможность легко и быстро договориться, обратился к В.М. Молотову с просьбой о разрешении транзита иранских товаров через территорию СССР⁵⁹.

Гитлер не сомневался в том, что И. Сталин услышит своего партнера, иначе Германия не заключила бы новое соглашение с Ираном. А такое соглашение было достигнуто. 8 октября 1939 г. заинтересованные стороны подписали секретный протокол о поставках Ираном в Германию 22,5 тыс. т хлопка, 6 тыс. т шерсти, 20 тыс. т пшеницы, 20 тыс. т риса и 10 тыс. т ячменя⁶⁰.

Что означало подписание этого соглашения? Для немцев значение подписанного протокола заключалось в том, что в этот период именно Иран стал важнейшим источником снабжения такими стратегическими материалами, как хлопок и шерсть. Остается лишь подчеркнуть, что в полной мере выполнить условия соглашения можно было только с помощью СССР. В этом факте признавались сами немцы⁶¹.

⁵⁸ Элахи Х. Ахамийат-е эстратежики-йе Иран дар джанг-е джахани-йе доввом. Тегеран, 1986. С. 59.

⁵⁹ Akten zur deutschen auswärtigen Politik (ADAP). Ser. D. Bd. 8. И. Риббентроп В. Молотову. 28 сентября 1939 г. S. 131.

⁶⁰ ADAP. Ser. D. Bd. 8. S. 279; Иванов М. С. Новейшая история Ирана. М.: Мысль, 1965. С. 65.

⁶¹ ADAP. Ser. D. Bd. 8. S. 279–280.

Расчет Гитлера оказался удивительно верным. Советская сторона пошла навстречу пожеланиям Берлина. 11 февраля 1940 г. между странами было подписано соглашение, по которому СССР предоставил Германии право транзита через свою территорию товаров из Ирана, Афганистана и ряда других стран, а также немецких товаров в эти государства⁶².

Германские компании, не дожидаясь подписания соглашения, уже в середине ноября 1939 г. начали поставлять на склады Морагентства в Пехлеви иранское сырье, которое впоследствии предполагалось направить в Третий рейх через территорию СССР.

9 декабря 1939 г. генконсулом в Пехлеви Ягнятинским было созвано специальное совещание. «Обеспечьте четкое обслуживание немецкой клиентуры и тщательную охрану поступающих товаров! Скопление большого количества указанных товаров требует проявления должной бдительности к возможным диверсиям, которые могут быть организованы агентурой воюющих с Германией стран», – строго потребовал от собравшихся генконсул.

Работники тут же взяли под козырек. Посовещавшись, они приняли решение немедленно увеличить количество сторожей, экспедиторов, приказчиков и кладовщиков, связанных с обслуживанием германских грузов, а перед сотрудниками Морагентства и Ирансовтранса поставить задачу оказывать содействие представителям немецкой фирмы «Иранэкспресс». Не ударить лицом в грязь перед германскими партнерами, угодить им, всячески избегать при этом каких-либо конфликтов, только бы не сорвать столь важные поставки.

Начиная с середины декабря 1939 г. ежедневно только в Пехлеви поступало свыше 75 т различных немецких товаров для отправки их транзитом в Германию. Большинство этих грузов прибывало с юга Ирана, где поначалу планировалось переправить их на немецких пароходах в Германию, но из-за английской блокады было принято решение перебросить товары на север страны для отправки транзитом через СССР.

Страхованием грузов, переправляемых из Ирана в Германию, занялись на равных правах представительство Госстраха и немецкое страховое общество «Альянс», имевшее хорошие связи в иранских торговых кругах⁶³.

С момента открытия транзита немецкие фирмы стали усиленно скупать иранское сырье. При этом немцы проявляли готовность покупать почти все товары, имевшиеся на рынке: шерсть, хлопок, кожу, ковры, сухофрукты, рис, мак, оливковое масло, коровье масло и прочие продукты сельского хозяйства.

Надо сказать, предоставление СССР права транзита Германии оказалось весьма выгодным Ирану, значительно улучшившему свое экономическое положение. Иранский рынок моментально среагировал на изменение торговой конъюнктуры. Отправка уже первого парохода с сырьем из Пехлеви привела к резкому росту цен на иранскую шерсть.

Логическим завершением переговоров между всеми заинтересованными сторонами стало заключение советско-иранского торгового договора в марте 1940 г. Этого давно требовало общественное мнение. Все громче раздававшиеся голоса за его заключение исходили не только из народных масс, но и из самых разнородных прогрессивных кругов, которым были безразличны национальные и экономические интересы Ирана. Отдельные купцы, владельцы промышленных предприятий, кустари открыто настаивали на торговом договоре с богатой и сильной советской державой. Но у правителей Ирана был свой резон. Один из английских авторов, давая оценку этому договору, не без оснований писал, что Иран пошел на него исключительно ради транзита, так как в случае прекращения германо-иранской торговли Ирану «грозили крушение и экономический хаос».

⁶² Советско-нацистские отношения. Документы. Париж Нью-Йорк: Третья волна, 1983. С. 157.

⁶³ АВП РФ. Ф. 094. 1941. М. Е. Филимонов Мицкевичу. 20 мая 1941 г. Оп. 26. П. 331а. Д. 21. Л. 58; АВП РФ. Ф. 094. 1941. Кривенцов Полпредство СССР в Иране. 18 марта 1941 г. Оп. 26. П. 331а. Д. 21. Л. 67.

История, однако, распорядилась иначе. В результате в 1940–1941 гг. товарооборот Ирана с гитлеровской Германией почти в восемь раз превысил наиболее высокий уровень его товарооборота с Веймарской республикой. Если в 1939–1940 гг. Германия занимала 39 % в товарообороте Ирана, то в 1940–1941 гг. уже 45,5 %.

Столь резкое увеличение объемов германо-иранской торговли не произошло, если бы не решение советского правительства предоставить свою территорию для транзитной торговли Германии со странами Среднего Востока. За последние полтора года до начала Великой Отечественной войны в Германию через территорию СССР было транспортировано 80 тыс. т сельскохозяйственных продуктов из Ирана. Только с начала марта по 29 апреля советское Торгпредство выдало 250 разрешений на транзит из Германии и ее протекторатов в Иран 5200 тонн различных грузов. В мае Торгпредство было готово рассмотреть еще 64 заявки на грузы в количестве 5000 тонн. Из них 42 заявки касались грузов, предназначенных для Кереджского металлургического комбината, строительство которого осуществлялось с помощью немцев⁶⁴.

Вскоре чуть было не разразился скандал. Советские таможенники обнаружили, что в ящиках с надписью «сталь» находились полуфабрикаты различных видов вооружений. А несколько ранее в Бакинском порту в 119 ящиках под наименованием «стержни поршневые, кованые» было обнаружено около 20 000 полуфабрикатов ружейных и пулеметных стволов.

Показателен факт: на первом этапе Второй мировой войны Германия имела пассивный баланс в торговле с Ираном. Только в 1939–1940 гг. Германия вывезла из Ирана товаров на 393 млн риалов, а ввезла лишь на 160 млн, не заплатив ни одного риала. Огромную по тем временам сумму в 233 млн риалов, составляющую более 13 % бюджета страны, Иран не мог использовать по своему усмотрению.

В дальнейшем ситуация только усугубилась. Реза-шаху надо было что-то предпринимать, и в сентябре 1940 г. он направил в Берлин торговую делегацию, поставив перед ней задачу добиться более благоприятных для Ирана условий торговли с Третьим рейхом. Но занимать принципиальную позицию по отношению к победоносной тогда Германии для Реза-шаха было бесперспективно, и иранская миссия вернулась в Тегеран ни с чем. В результате общая задолженность Германии Ирану еще увеличилась и составила к середине 1941 г. свыше 280 млн марок⁶⁵. Иначе говоря, Иран выступал в роли кредитора Германии.

В связи с планами использования Ирана во Второй мировой войне заслуживает особого внимания не оцененный историками факт продажи Германией Ирану локомотивов и железнодорожных вагонов. Несмотря на то что 23 июня 1940 г. меджлис утвердил договор о предоставлении немецким инженерам важных должностей в управлении железных дорог Ирана: пост главного инженера всего железнодорожного строительства Вильгельму Сапову, а пост главного инженера по расчетам – Густаву Бора⁶⁶, немцы в октябре этого же года отвергли просьбу Ирана о поставке ему 75 локомотивов и 1000 вагонов стоимостью 15 млн марок.

Однако в апреле 1941 г. Берлин изменил свое решение. Более того, Германия согласилась поставить локомотивов и вагонов на сумму 25 млн марок. Среди российских историков только А.В. Райков разгадал тайный ход гитлеровской дипломатии. «Германское командование намеревалось использовать этот парк локомотивов и вагонов для переброски собственных войск по указанным направлениям – к Индии и Ираку. Германия собиралась поставить этот огромный железнодорожный парк самой себе», – справедливо отметил он в одной из своих работ⁶⁷.

Говоря о ситуации на железных дорогах Ирана, нельзя не отметить того факта, что, несмотря на тяжелое экономическое и финансовое положение страны, Реза-шах не отказался

⁶⁴ Оришев А.Б. Указ. соч. С. 91–92.

⁶⁵ Агаев С.Л. Германский империализм в Иране ... С. 82.

⁶⁶ Оришев А.Б. Указ. соч. С. 97.

⁶⁷ Райков А.В. Опаснейший час Индии. Липецк: Липецкое издательство Госкомпечати, 1999. С. 52.

от грандиозных планов железнодорожного строительства. В первую очередь им было намечено строительство магистралей Тебриз – Тегеран, Тегеран – Мешхед, Тегеран – Йезд. По-видимому, иранские правящие круги наивно полагали, что война скоро закончится и южный путь станет свободным от английской блокады. Очевидно, что желание эмансипироваться от транзитной зависимости от СССР, которое в свое время сыграло роль в выборе пути Трансиранской железной дороги, стало основным соображением в новых планах Реза-шаха по железнодорожному строительству.

В перспективе правители Ирана рассчитывали сомкнуть иранские железнодорожные магистрали с иностранными линиями. Линию Тегеран – Тебриз предполагалось соединить с турецкой железной дорогой, линию Тегеран – Йезд с индийской. Иранцы также планировали обеспечить транзитное значение линии Тегеран – Мешхед. Путем договоренности с афганским правительством они надеялись связать ее с существующей шоссейной дорогой Мешхед – Герат – Кабул, а в будущем и с железной дорогой, которую тогда проектировали афганцы⁶⁸. Если бы план соединения иранских железных дорог с иностранными был осуществлен, то через Иран прошел бы самый короткий путь в Индию.

Индия, как известно, была конечной целью политики Германии на Востоке. Как в свое время Наполеон, вождь германского фашизма строил планы использовать территорию Ирана для нападения на «жемчужину Британской империи». Именно из этого расчета исходили в Берлине, когда принимали решение предоставить локомотивы Ирану.

С весны 1940 г. немцы стали зондировать возможность восстановления авиалинии Берлин – Кабул, прекратившую функционировать сразу после начала Второй мировой войны. На этот раз ими планировалось организовать воздушное сообщение по новой трассе через территорию СССР. Разрабатывались два основных варианта: линии Москва – Севастополь – Стамбул – Тегеран – Герат – Кабул и Москва – Ташкент – Термез – Кабул⁶⁹. 4 марта 1940 г. германский посланник в Тегеране Э. Эттель обратился с подобной просьбой к советскому послу М.Е. Филимонову, поинтересовавшись, какие у него «есть соображения для устройства авиалинии Берлин, Москва, Баку, Тегеран»⁷⁰.

Был и третий вариант, исключавший афганскую столицу: Берлин – Киев – Харьков – Ростов-на-Дону – Баку – Тегеран. Именно его предложил 25 августа германский посол в Москве Ф. Шуленбург В.М. Молотову⁷¹.

Осенью 1940 г. немцы поставили вопрос о восстановлении авиасообщения перед правительством Ирана. Делая подобное предложение заинтересованным правительствам, германское руководство преследовало цель не только организовать воздушный шпионаж территории Советского Союза, но и усилить зависимость Ирана от Германии и в перспективе вовлечь его в войну на стороне стран «оси».

Германские представители потратили немало сил, чтобы доказать иранским властям целесообразность возобновления полетов немецких самолетов. Но, несмотря на их настойчивость, им было отказано в организации авиасообщения. Это решение было продиктовано тем, что в обстановке начавшейся войны восстановление авиалинии могло вызвать резкую реакцию Великобритании, которая и так пошла Ирану на ряд уступок в нефтяном вопросе. Следовавшему курсу осторожного внешнеполитического лавирования Реза-шаху идея восстановления авиалинии в этой обстановке казалась не столько актуальной, сколько вредной для его страны, так как она могла дать повод для английского вмешательства.

⁶⁸ АВП РФ. Ф. 094. 1939. В. Деканозов М.Е. Филимонову. 16 октября 1939 г. Оп. 23. П. 324а. Д. 3. Л. 17–20.

⁶⁹ АВП РФ. Ф. 071. 1941. Политико-экономический доклад Средневосточного отдела МИД по Афганистану за 1940 г. Оп. 23. П. 195. Д. 2. Л. 108.

⁷⁰ Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941 г. Т. 23. Кн. 1. С. 127.

⁷¹ Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941 г. Т. 23. Кн. 1. С. 50.

Готовясь к войне с Советским Союзом, Германия стала постепенно сворачивать свои экономические связи с Ираном. Правда, переговоры о транзите иранских товаров в Третий рейх велись даже в середине июня 1941 г. Но после 22 июня 1941 г. торговля Германии с Ираном фактически была сведена к нулю⁷².

Итак, как мы могли убедиться, Иран по-прежнему занимал видное место в планах Гитлера по завоеванию мирового господства. Благодаря тому, что СССР предоставил свою территорию для транзита немецких товаров в Иран, германо-иранская торговля достигла наивысших показателей. Иран фактически превратился в сырьевую кладовую гитлеровской Германии, для которой получение иранских стратегических материалов значительно облегчало ведение боевых действий. Германское влияние ощущалось на всех уровнях – от шахского дворца до тегеранского базара.

Однако планы немцев восстановить авиалинию Берлин – Кабул потерпели крах. Иранский шах, следовавший курсу осторожного внешнеполитического лавирования, предпочел не обострять отношения с Великобританией, которая после начала Второй мировой войны болезненно реагировала на все инициативы немцев на Среднем Востоке.

⁷² Оришев А.Б. Указ. соч. С. 98.

Глава 4. Советская угроза над Ираном: ложная тревога

Нейтралитет нейтралитетом, а позицию свою обозначить необходимо. Но делать это осторожно, не вызывая резких протестов сражавшихся сторон. Именно к такому рода высказываний можно отнести заявление министра финансов Ирана и видного представителя торгового капитала М. Бадер о том, что позиция Англии и Франции аморальна и непопулярна среди нейтральных стран, а германские претензии на Данциг и коридор являются совершенно справедливыми⁷³.

Подобного мнения придерживались и в Москве. Действовала установка: войну развязал не фашизм, а англо-французский империализм.

Хотя СССР и не вступил в военный альянс с Германией, но само заключение договоров с Германией поставило в крайне тяжелое положение работавшую в подполье иранскую коммунистическую партию, которая была важным инструментом советского влияния. Лозунги антифашистской борьбы иранские коммунисты использовать не могли, а Коминтерн рекомендовал положить в основу коммунистической пропаганды тезис об империалистической войне, в возникновении которой виновата буржуазия всех стран, прежде всего Англии и Франции, что в определенной степени было на руку не только СССР, но и Германии. Начать освободительную войну против английской и французской плутократии призывал в то время Коминтерн – важнейший инструмент мировой революции в руках Кремля.

Победы вермахта в Европе произвели сильное впечатление в Иране. С каждым днем среди иранцев крепла вера в то, что Гитлер способен принести им свободу от английского господства. Антианглийский потенциал здесь накапливался столетиями, а сейчас возникла реальная возможность раз и навсегда покончить с зависимостью от грозного британского льва.

В Тегеране пришли к выводу, что пока в Европе полыхает пламя войны, Германия не представляет угрозы Среднему Востоку. По мнению иранских лидеров, угроза могла исходить либо от Москвы, либо от Лондона. В Иране считали, что подписанный 23 августа 1939 г. пакт Риббентропа – Молотова развязывает руки северному соседу, т. е. в ситуации, когда державы «оси» и страны западной демократии вступили в смертельную схватку, уже никто не мешает большевикам воплотить в жизнь свои экспансионистские планы мировой революции на Востоке. Ответные меры в отношении СССР примет Великобритания, что в конечном счете приведет к началу боевых действий между британскими войсками и Красной Армией. И, скорее всего, ареной этих боев станет территория Ирана. Именно такого варианта развития событий пытался избежать Реза-шах.

Подписание в Москве 28 сентября 1939 г. советско-германского договора о дружбе и границе вызвало в Иране новый виток беспокойности. Так, в телеграмме от 3 октября 1939 г. поверенного в делах США в Иране Энгерта в Госдепартамент говорилось о раздражении шаха советско-германским пактом. Его подписание требовало от иранского правительства лавирования в отношениях не только между Англией и советско-германским блоком, но и в отношениях с СССР, и с Германией. В этих условиях Реза-шах опасался открыто поддержать ту или другую сторону, так как, оценивая международную обстановку, полагал возможным вторжение СССР при поддержке Германии, если Иран примет сторону англо-французской коалиции. Не исключал он и вторжение в Иран Англии в случае присоединения Ирана к державам «оси».

Как ни мала была с точки зрения сегодняшнего дня вероятность ввода советских войск осенью 1939 г. в Иран, все же в Тегеране считались с ней вполне серьезно. На этом можно было сыграть, что и сделала германская пропаганда, инспирировав слухи о готовящемся вторжении Красной Армии в Иран. Следует сказать, что подобные слухи периодически возникали,

⁷³ ADAP. Ser. D. Bd. 8. S. 12.

гасли и появлялись снова. В октябре 1939 г. корреспондент ТАСС, передавая свой разговор с германским коллегой, сообщал из Тегерана: «По словам берлинского корреспондента Херста, немцы откровенно заявляют, что независимо от любого исхода войны Советский Союз окажется победителем... что по неподтвержденным сведениям СССР стремится заключить соглашение с Турцией и Ираном с целью захвата английских нефтяных источников в Мосуле и Иране. Корреспондент сообщает также о концентрации крупных советских военных сил на Кавказе»⁷⁴.

15 ноября 1939 г. сообщение на эту же тему было помещено в «Кельнише Цайтунг»: «Россия возобновила свои планы относительно Персидского залива и надеется получить выход к южным морям. Север Ирана и Тегеран находятся под русским влиянием. Известно, что бензин, потребляемый в этих районах, поступает из России. С военной точки зрения будет обновлено положение, имевшее место в 1914 г., когда Россия содержала в Тегеране казачью бригаду»⁷⁵.

Однако с января 1940 г. германская пресса, в противовес своим прежним сообщениям, резко изменила тон своих публикаций. 4 января 1940 г. газета «Нахтаугабе», говоря о стремлении Англии и Франции создать театр военных действий на Среднем Востоке, писала: «Чтобы оправдать военные приготовления в районе, который вообще не затрагивается европейским конфликтом, англичане и французы распространяют слухи о советской угрозе Ирану и Афганистану»⁷⁶. На протяжении весны 1940 г. немецкие газеты воздерживались от публикации каких-либо материалов о советской угрозе Среднему Востоку.

Подобный поворот в тактике германской пропаганды объяснялся тем, что начались поставки иранского сырья в Германию через территорию СССР и в Берлине предпочли не создавать проблем в отношениях с Советским Союзом.

Внешне отношения Германии и СССР развивались вполне нормально. Более того, с весны 1940 г. усилились контакты между дипломатическими представительствами Третьего рейха и СССР в Тегеране. Сотрудники германской дипломатической миссии стали наносить регулярные визиты в советское посольство. «Благодаря гениальности товарища Сталина и Гитлера СССР и Германия взаимно понимают друг друга и в целом представляют несокрушимую силу в Европе. Английская пропаганда в Иране ставит своей целью противопоставить интересы Германии и СССР. По мнению Берлина, СССР ни в коем случае не собирается нападать на Иран. Англичане, пропагандируя идею нападения СССР на Иран, вынашивают план нападения на советский нефтеносный Баку», – убеждал М.Е. Филимонова в дружественных чувствах в ходе очередного визита Э. Эттель⁷⁷. Однако вряд ли делал он это искренне, так как одновременно немцы продолжали вести среди иранцев пропаганду против Советского Союза, только теперь в скрытой форме.

Напряженность в советско-германских отношениях зрела изнутри, и это хорошо чувствовалось. Попытки установления более близких контактов с представителями советского посольства в Тегеране были лишь тактическим ходом нацистов. Гитлер не желал уступать ни одной позиции Сталину в Иране и по-прежнему стремился реализовать свои агрессивные планы в отношении этой страны. Сам факт того, что гитлеровцы первыми среди мирового сообщества подняли вопрос о советской угрозе Среднему Востоку, говорил об их нежелании считаться с интересами Советского Союза. Германский посланник в Тегеране Э. Эттель, полагая, что «шаху и людям из его правительства ясно, какую опасность представляет для них Советский

⁷⁴ АВП РФ. Ф. 094. 1940. Черурко В. Деканозову. 24 сентября 1940 г. Оп. 24. П. 327. Д. 12. Л. 44.

⁷⁵ Цит. по: АВП РФ. Ф. 094. 1940. М.Е. Филимонов. Доклад: «Вопрос о ложной пропаганде». Оп. 24. П. 327. Д. 12. Л. 1.

⁷⁶ Цит. по: АВП РФ. Ф. 094. 1940. Черурко В. Деканозову. 24 сентября 1940 г. Оп. 24. П. 327. Д. 12. Л. 49.

⁷⁷ Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941 г. Т. 23. Кн. 1. С. 126.

Союз», первостепенную задачу иранской политики Третьего рейха по-прежнему видел в том, чтобы «отвести экспансионистский натиск СССР от Ирана»⁷⁸.

Ради справедливости стоит отметить, что советские руководители, встав на путь сотрудничества с нацистами, также не испытывали к ним доверия. Следуя внешнеполитическому курсу, заложенному пактом Риббентропа – Молотова, Москва ревниво следила за продолжавшимся укреплением германских позиций в Иране, осознавая опасность, исходившую от немцев советским интересам в этой стране. И. Сталин не мог не давать себе отчета в том, что торговый оборот между Ираном и СССР под влиянием германо-иранской «дружбы» сократился почти до нуля, а деятельность абвера и СД на севере Ирана объективно создавала угрозу республикам советского Закавказья.

Тем временем обстановка в Иране накалялась. Антисоветские настроения выплеснулись на улицы. Враждебные акции против советских граждан приобрели постоянный характер. Прямо на улице среди бела дня иранские полицейские избили водителя Торгпредства Козырина. Была подожжена квартира врача генконсульства Кавалерова. Полиция не приняла никаких мер по расследованию случившегося, списав все на несчастный случай.

Фанатично настроенные иранцы не брезговали ничем, нападая даже на русских женщин. Подобный случай произошел в Пехлеви, когда неизвестные лица совершили дерзкое ограбление жены вице-консула Берестова. Вопиющий случай имел место в Тегеране, когда солдаты шахиншахской армии сначала обыскали, а затем без видимых причин арестовали сотрудников советского посольства Баврина и Смирнова⁷⁹. И это был не последний эпизод проявления «иранской дружбы».

В Иране стало преследоваться не только все советское, но и русское. Люди, которые обвинялись в связях с советскими организациями, рассматривались как агенты иностранной державы и подвергались репрессиям. Тем, кто знал русский язык, разговаривать на нем запрещалось⁸⁰. Опубликование книги писателя из СССР рассматривалось как угроза существующему режиму; лица, читающие даже дореволюционные русские издания, считались опасными преступниками⁸¹. С экранов иранских кинотеатров один за другим исчезли советские киноленты.

Иностранец в Иране всегда ощущал вокруг себя внимание иранских спецслужб, а прибывший из СССР тем более. Тайная полиция («Тааминат») была любимым детищем шаха, и на содержание полицейских и огромной армии осведомителей денег не жалели. Велась неусыпная слежка как за советскими гражданами, так и за иранцами, вступавшими с ними в контакт. Перед тем как посетить Торгпредство СССР в Иране, иранцы должны были получить предварительное разрешение в полиции, указав на какое время и в какие часы необходимо зайти. Полиция стала арестовывать даже тех иранцев, которые посещали советскую больницу в Тегеране, в результате чего это лечебное учреждение потеряло клиентов и было вынуждено закрыться⁸².

Внимание иранских спецслужб привлекали к себе советские граждане кавказских национальностей, прибывавшие по самым разным причинам в Иран. На каждого такого «гостя» смотрели как на коммунистического агента. Определенная доля истины в этом была, так как на Южном Кавказе, особенно в Азербайджане, среди большевиков было немало мигрантов из Ирана (азербайджанских тюрок, персов, гиляков), одержимых идеей расширения мировой революции на Иран⁸³.

⁷⁸ ADAP. Ser. D. Bd. 9. S. 313.

⁷⁹ АВП РФ. Ф. 06. 1941. Оп. 3. П. 14. Д. 175. Л. 19.

⁸⁰ Орлов Е.А. Внешняя политика Ирана после второй мировой войны. М.: Наука, 1975. С. 197.

⁸¹ Валиева Д.В. Советско-иранские культурные связи (1921–1960). Ташкент: Наука, 1965. С. 38.

⁸² АВП РФ. Ф. 094. 1940. Материалы к вопросу о советской больнице в Иране. Оп. 24. П. 328а. Д. 46. Л. 74.

⁸³ Алиев С.М. Указ. соч. С. 128.

Такая обстановка оставляла мало шансов для советской разведки в Иране. Условия ее работы были далеки от благоприятных. Надежных и компетентных агентов не хватало. Не было надежной связи, радиостанций, баз и конспиративных квартир. Невозвращение разведчика Г. Агабекова, публикация его воспоминаний на Западе, в которых тот ярко описал тайные операции НКВД в Иране, вызвали взрыв возмущения со стороны иранского правительства и на несколько лет инициировали атмосферу тотальной слежки за гражданами СССР⁸⁴.

Из сообщения советского резидента: «Стиль работы иранской разведки и ее методы сейчас таковы, что не считаться с ними абсолютно невозможно. Любое оперативное мероприятие нашей резидентуры теперь может натолкнуться на щупальца иранской разведки и привести к провалу»⁸⁵.

Советская разведка не получала должной поддержки со стороны посольства. Посол М. Филимонов по образованию инженер-железнодорожник, человек трудолюбивый, но не отличавшийся аналитическими способностями. И в силу своего образования старался держаться подальше от всего, что требовало риска и предприимчивости – без чего немыслима разведывательная деятельность.

К достижениям советских спецслужб к этому времени мы можем отнести: сбор подробных военных, политических, экономических сведений об Иранском Азербайджане, внедрение туда своих агентов, составление картотеки всех промышленных предприятий региона, установление контактов с нацменьшинствами. Так, для привлечения курдов к подрывной деятельности в регионе в г. Мехабад длительное время функционировал специальный центр, работавший с нелегальными организациями. Определенная работа велась с азербайджанской оппозицией.

В 1940 г. 5-е управление Красной Армии подготовило «Военно-географическую карту Иранского Азербайджана», при составлении которой было сделано все, чтобы не упустить ни одной существенной детали. К примеру, была указана глубина рек через каждый километр, и были такие пометки: «На участке местности между точкой слияния реки Гарасу (Карасу) с Араксом и горами Гараджадаг возможно применение всех видов войск. Горные вершины от Карадага до Астары, окруженные лесами и зарослями, считаются труднопроходимыми участками. За исключением горных участков, здесь невозможно использовать даже пехоту»⁸⁶. К началу 1941 г. командование Закавказского военного округа располагало полными сведениями об иранской армии, о системе коммуникаций в приграничных районах и мерах Тегерана, направленных на укрепление границы и повышение боеготовности своей армии.

Ухудшению советско-иранских отношений содействовала английская пропаганда. Запугивать иранцев «большевистской угрозой» было обычным приемом британской дипломатии. А в этот раз и тема подвернулась подходящая – финский поход Красной Армии. Ставя свои домыслы в связь с советско-финским конфликтом, она пыталась представить Советский Союз как агрессивного союзника нацистской Германии, в любой момент готового двинуть войска на завоевание Среднего Востока. В английской печати помещались статьи различных корреспондентов о происходившей концентрации советских войск на советско-иранской и советско-афганской границах. Иранцев методично убеждали в том, что будто бы СССР готовится осуществить угрозу в отношении Индии через территорию Ирана и Афганистана. Британское агентство «Рейтер» усиленно распространяло слухи о нависшей над странами Востока «большевистской» угрозе.

⁸⁴ Агабеков Г.С. в 1920-е гг. был резидентом ОГПУ в Иране. В 1930 г. бежал во Францию, объяснив свой побег несогласием с методами работы советских спецслужб и политикой Кремля. За контакт с иностранными разведками был ликвидирован в 1937 г. в Париже агентом НКВД А.М. Коротковым.

⁸⁵ Цит. по: Кузнец Ю.Л. Тегеран-43... С. 243.

⁸⁶ Гасанлы Дж. П. СССР – Иран: Азербайджанский кризис и начало холодной войны (1941–1946). М.: Герои Отечества, 2006. С. 17.

Своих английских коллег активно поддержали жадные до сенсаций французские корреспонденты. 17 января 1940 г. агентство «Гавас» передало сообщение о концентрации частей Красной Армии на афганской и иранской границах, об активном строительстве путей сообщения в приграничной полосе, о советской пропаганде внутри курдских общин и попытках советских властей начать движение братания между курдскими элементами Кавказа и Ирана⁸⁷.

Безусловно, подобные сообщения не могли оставить равнодушными иранских лидеров, и уже 14 сентября 1939 г. иранский посол в Москве М. Саед в беседе с В. Деканозовым, сославшись на появившиеся в иностранной прессе сообщения о концентрации советских войск в Закавказье, выразил серьезную озабоченность создавшимся положением⁸⁸.

Атташе советского посольства по вопросам прессы Тимофеев, оценивая настроения иранских правителей, докладывал в Москву: «Иранцы в разговорах между собой гадают, что же будет дальше, после разгрома Польши? Если Советский Союз окажет Германии военную помощь, то каким образом эта помощь будет оказана? Не пойдет ли эта помощь в виде советских войск через Иран в Индию для того, чтобы поднять ее против Англии и тем самым ослабить Англию? В связи с этим, что делать Ирану? Если Иран встанет на сторону союзников, то через два часа будет то же, что и было с Польшей, т. е. Иран будет захвачен Красной Армией, так как Англия далеко и помощь ждать от нее нельзя, а если она и будет оказана, то будет поздно.

Если Иран встанет на сторону Советского Союза, то будет больше пользы для Ирана, так как в этом случае Иран будет надеяться на то, что можно будет освободиться от англичан и, прогнав их с помощью Советского Союза, получить свою нефть, которая в настоящее время находится у англичан»⁸⁹.

И все же опасения в отношении советской угрозы среди иранцев сохранялись. Эти страхи усилились после того, как СССР занял принципиальную позицию на переговорах о заключении нового торгового советско-иранского договора. Некоторые злые языки в Тегеране говорили, что такое возможно только в преддверии войны.

Исходя из подобных умозаключений, и отчасти под воздействием немецкой и английской пропаганды иранские правители смотрели на СССР как на своего вероятного противника.

В ожидании худшего Тегеран стал принимать необходимые меры. С целью создания продовольственного резерва иранское правительство организовало заготовку больших партий скота, стало скупать зерно у крестьян, одновременно запретив частную торговлю хлебом. Для обеспечения населения товарами первой необходимости были созданы комиссии из представителей городских властей, военного ведомства, купечества и банков.

Серьезные меры применялись к укреплению боеготовности воинских частей. По приказу шаха начались мероприятия по созданию широкой сети пунктов переподготовки резервистов и частичной мобилизации последних в армию, в первую очередь из районов, прилегавших к границе СССР. Всем кому за 40 были обязаны явиться в мобилизационные пункты.

В одном Мешхеде только за два месяца было призвано из запаса 12 000 человек самых разных призывных возрастов. В Нишапуре все ранее служившие до 35-летнего возраста были взяты на учет и предупреждены о запрете выезда из города. С 6–8 человек до 30 были усилены посты пограничной охраны, проведены мероприятия по организации иррегулярных и скрытых вооруженных формирований из состава шахсеванских племен, расположенных главным образом напротив участков советских пограничных отрядов. Все это сопровождалось усилением

⁸⁷ АВП РФ. Ф. 094. 1940. Садчиков. Дополнение к справке «Саадабадский пакт». Оп. 24. П. 327. Д. 13. Л. 8–9.

⁸⁸ АВП РФ. Ф. 094. 1939. В. Деканозов М.Е. Филимонову. 16 октября 1939 г. Оп. 23. П. 324а. Д. 3. Л. 24.

⁸⁹ Оришев А.Б. Указ. соч. С. 104.

войскового наблюдения за территорией СССР со стороны различных топографических и рекогносцировочных групп⁹⁰.

«Иранская погранохрана убыстренным темпом совершенствует методы и способы охраны границ, разворачивает работу с базой содействия в приграничной полосе и, нужно признать, имеет неплохие результаты... За последнее время в иранских пограничных частях на Атреке в деле охраны государственной границы замечается интенсивная перестройка и улучшение качества службы охраны границы на соответствующих постах и развертывание соответствующей работы среди населения аулов пограничной полосы и тыла», – сообщалось в разведсводках советских пограничников⁹¹.

Пытаясь ослабить советское влияние на севере страны, иранские власти с начала Второй мировой войны стали демонстративно выселять с побережья Каспийского моря, в особенности из провинции Гилян, лиц всех национальностей. Особое внимание уделялось иранцам, которые выехали из СССР в течение десяти предвоенных лет. Из Пехлеви были выселены портовые рабочие, которых местная полиция подозревала в связях с СССР⁹². Под подозрение были взяты оставшиеся в живых дженгелийцы (лесные братья, «дженгели» по-персидски – «лесной человек») – бывшие участники кучекхановского движения 1920-х гг. Началась настоящая охота на «агентов Коминтерна».

Иранцы полагали, что информация о приближающемся советском вторжении не просто назойливая пропаганда иностранных держав. На тегеранском базаре – главном экономическом центре страны – они говорили о том, что СССР будто бы уже предъявил иранскому правительству требование о предоставлении в его распоряжение аэродромов и казарм на иранской территории. Усиленно циркулировали слухи, что Советский Союз в самое ближайшее время захватит северную часть Ирана. Разговоры шли в том плане, что шаху вскоре придется «попрощаться» с Иранским Азербайджаном.

⁹⁰ Пограничные войска СССР. 1939 июнь 1941. Сборник документов и материалов / гл. ред. П.И. Зырянов. М.: Наука, 1970. С. 511.

⁹¹ РГВА. Ф. 25895. 1939. Разведсводка. 22 октября 1939 г.; Справка: Усиление пограничного режима и охраны государственной границы на Атреке. Оп. 1. Д. 945. Л. 181, 184.

⁹² РГВА. Ф. 25895. 1939. Докладная записка. 8 марта 1939 г. Оп. 1. Д. 945. Л. 141.

Глава 5. Судьба Ирана решается в Берлине

«Большая игра» вокруг Ирана велась на советско-германских переговорах в ноябре 1940 г. Гитлер решил по-своему разыграть иранскую карту, предложив Иран в качестве платы за создание невиданного по своей мощи и размаху блока Берлин – Рим – Москва – Токио.

Вряд ли Сталин будет упорствовать, как-никак, а Средний Восток традиционно считался одним из приоритетов российской внешней политики. После подписания соглашения ни о каком сотрудничестве между СССР и Англией не может быть речи – англичане уже несколько столетий оберегают Индию и ближайшие подступы к ней от любых посягательств России. К тому же передислокация нескольких армий на юг ослабит западную группировку Красной Армии, и опасность превентивного удара со стороны Советов сойдет на нет.

Примерно так рассуждал фюрер, когда в канун подписания «пакта трех» поведал ближайшему окружению о своих новых замыслах: «Я думаю, нужно поощрить Советский Союз к продвижению на юг – к Ирану и Индии, чтобы он получил выход к Индийскому океану, который для России важнее, чем ее позиции на Балтике»⁹³.

Германским руководством было решено провести с Москвой соответствующие переговоры. 13 октября В.М. Молотову направили приглашение посетить столицу рейха. И. Риббентроп писал: «...Я хотел бы заявить, что, по мнению фюрера, очевидная историческая миссия четырех держав – Советского Союза, Италии, Японии и Германии – заключается в том, чтобы принять долгосрочную политику и направить дальнейшее развитие народов в правильное русло путем разграничения их интересов в мировом масштабе. Мы бы приветствовали скорейший визит господина Молотова в Берлин для того, чтобы уточнить вопросы, имеющие столь решительное значение для будущего наших народов, и для того, чтобы обсудить их конкретно»⁹⁴.

Ответ не заставил себя ждать. 12 ноября того же года советский министр иностранных дел прибыл в Берлин.

Надо сказать, что в Москве серьезно готовились к переговорам. Неслучайно в «некоторых директивах», которые В.М. Молотов набросал в своем дневнике накануне берлинской поездки, мы находим характерные записи, например: «[...] 2. Исходя из того, что советско-германское соглашение о частичном разграничении интересов СССР и Германии событиями исчерпано (за исключением Финляндии), в переговорах добиваться, чтобы к сфере интересов СССР были отнесены: [...] е) вопрос об Иране не может решаться без участия СССР, так как там у нас есть серьезные интересы. Без нужды об этом не говорить...»⁹⁵ Уже во время пребывания в Берлине В.М. Молотов получил от И. Сталина следующую инструкцию: «Советуем: 1. Не обнаруживать нашего большого интереса к Персии и сказать, что, пожалуй, не будем возражать против предложения немцев...»⁹⁶

Уверенные в успехе немцы заранее подготовили текст соглашения, согласно которому мир был бы поделен на сферы влияния между Германией, Италией, Японией и Советским Союзом. К соглашению был приложен секретный протокол, в котором, в частности, говорилось: «Советский Союз заявляет, что его территориальные устремления обращены к югу от национальной территории Советского Союза по направлению к Индийскому океану»⁹⁷.

⁹³ Смирнов Л.Н. Суд в Токио. М.: Воениздат, 1980. С. 198.

⁹⁴ Советско-нацистские отношения. Документы... С. 206.

⁹⁵ Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941 г. Т. 23. Кн. 2 (1). С. 31.

⁹⁶ Там же. Телеграмма первого заместителя наркома иностранных дел А.Я. Вышинского полномочному представителю СССР в Германии А.А. Шкварцеву. 13 ноября 1940 г. С. 61.

⁹⁷ ADAP. Ser. D. Bd. 11. 1. S. 472; Советско-нацистские отношения. Документы... С. 247, 250.

13 ноября Гитлер настойчиво внушал В.М. Молотову о тех радужных перспективах, которые ждут СССР после развала Британской империи. 14 ноября ему вторил И. Риббентроп. Министр иностранных дел Третьего рейха пытался убедить коллегу, что СССР мог бы беспрепятственно вторгнуться в Иран и занять его территорию вплоть до Персидского залива, а также изменить в свою пользу режим турецких проливов (Босфора и Дарданеллы) и тем самым добиться заветной цели русских царей.

В.М. Молотов внимательно выслушал германского министра, но конкретного ответа не дал. «Нужно подумать о разграничении сфер влияния. Однако по этому вопросу я (В.М. Молотов. – А.О.) не могу занять окончательную позицию, поскольку не знаю мнения Сталина и других московских друзей», – заявил он И. Риббентропу⁹⁸.

Как мы видим, И. Сталин в конечном счете решил повременить с присоединением к блоку стран «оси».

Почему? Может быть советский вождь разгадал коварный замысел Гитлера? Сама мысль о разделе мира на сферы влияния не была чужда старому большевику. По-видимому, Сталин просто решил поторговаться, надеясь получить из Берлина более заманчивые предложения. Если Германия так легко «жертвует» Ираном и Афганистаном, то почему не продолжить этот диалог дальше?

Эту версию подтверждает тот факт, что позднее В.М. Молотов несколько раз запрашивал немцев относительно ответа на советские контрпредложения. Но Гитлер молчал, ибо торг для него был неуместен. Фюрер понял, что война с «красным колоссом» неизбежна. Последние сомнения окончательно рассеялись. Поэтому будем справедливы: если советско-германское соглашение о разделе мира так и не состоялось, то не по причине принципиальности Сталина и его боевых товарищей.

Между тем германское руководство понимало, что если произойдет утечка информации о готовящемся соглашении, то это произведет эффект взорвавшейся бомбы на Среднем Востоке. И были правы. Английская пропаганда заработала немало вистов, распространяя по всей стране слухи о большевистско-фашистском заговоре вокруг Ирана. «Гитлер продал Сталину Иран, отдал в лапы грузинского зверя – вот истинная цена германской дружбы», – трубила на тегеранском базаре английская агентура.

В Тегеране не замедлили сделать соответствующие выводы. «В связи с поездкой т. Молотова в Берлин в Тегеране циркулируют самые нелепые слухи. Упоминается, что т. Молотов в Берлине будет договариваться о германском господстве на Балканах и советском на Среднем Востоке. В “доказательство” купцы ссылаются на то, что т. Молотов пригласил т. Деканозова будто только потому, что он ведает вопросами восточных стран, и в частности Ираном. Отдельные купцы говорят, что если ранее Германия имела три опоры, то после визита т. Молотова Германия будет опираться на четыре опоры. Они имеют в виду возможное присоединение СССР к тройственному союзу», – обрисовал сложившуюся в те дни в Тегеране обстановку М.Е. Филимонов⁹⁹.

Срочно успокоить Реза-шаха, убедить иранцев в собственном миролюбии, и если нельзя отрицать сам факт переговоров, то хотя бы исказить их суть, представив себя в выгодном свете, надеялись немцы. Статс-секретарь германского МИД Э. Вейцеккер на этот счет рассуждал: «Будет правильным, если соглашения между нами и Советской Россией будут представлены как обман, интриги англичан»¹⁰⁰.

⁹⁸ Советско-нацистские отношения. Документы... С. 247, 250.

⁹⁹ Документы внешней политики. 1940 22 июня 1941 г. Т. 23. Кн. 2 (1). 1 ноября 1940 г. 1 марта 1941 г. / Телеграмма М.Е. Филимонова в НКВД СССР. 13 ноября 1940 г. М.: Международные отношения, 1995. С. 54.

¹⁰⁰ ADAP. Ser. D. Bd. 11. 2. S. 530.

И, тем не менее, немцы сами допустили утечку информации с места проведения встречи. Сделали это вполне сознательно. Расчет был предельно прост – в случае провала переговоров обвинить И. Сталина в непомерных амбициях, желании установить коммунистический диктат над Средним Востоком, и тем самым нанести еще один удар по позициям СССР в Иране.

«Среди иностранных корреспондентов в Берлине широко распространено суждение, что в результате берлинских переговоров товарища Молотова СССР отказывается от заинтересованности на Балканах, получая взамен свободу рук в Азии за счет Ирана и Турции. На этом сходятся журналисты различных направлений: Абола и Чалич (Югославия), американец Лохнер, швед Сванстрем, подозреваемый по связям с гестапо Лекренье (немец) и другие [...]. Сванстрем сказал нашему корреспонденту, что эти слухи исходят от самих немцев (подчеркнуто мною. – А.О.)», – телеграфировал в МИД 14 ноября 1940 г. советник посольства СССР в Германии В.С. Семенов¹⁰¹.

Но зря изощрялась немецкая пропаганда. Реза-шах не был слепым диктатором, очевидные вещи не ускользнули от его внимания. Получив подтверждения об интригах Гитлера вокруг его страны, Реза-шах начал менять внешнеполитический курс иранского правительства, постепенно дистанцируясь от нацистской Германии.

Достаточно обратить внимание на следующий факт, замалчивавшийся советскими историками: 23 февраля 1940 г. по приговору суда был расстрелян лидер иранской фашистской молодежи Мохсен Джахансуз¹⁰². Он и его соратники были обвинены иранским судом в попытке осуществить действия, направленные против безопасности страны, и в организации антимонархического заговора.

Еще один немаловажный факт: шах отдал приказ о немедленном аресте премьер-министра М. Дафтари. Как принято на Востоке, заодно арестовали всю его семью. 26 июня 1940 г. был опубликован указ об отправке в отставку иранского правительства. Поводом к аресту стала информация о том, что брат премьер-министра оказался замешанным в продаже иранских паспортов в Берлине. Только через несколько дней Реза-шах проявил снисходительность, выпустив М. Дафтари на свободу и предоставив ему возможность заниматься преподавательской деятельностью в Тегеранском университете¹⁰³. Все, конечно, понимали, что некрасивая история с паспортами всего лишь предлог и истинные причины ареста совсем иные. М. Дафтари, был самым высокопоставленным иранцем, которого общественное мнение относило к германофилам, и это многое объясняло.

К этому времени политика Гитлера в отношении Ирана претерпела существенные изменения. Несмотря на то что Третий рейх получал иранское сырье, в котором он остро нуждался, в Берлине стали всерьез подумывать о замене Реза-шаха на другого политика. Эту идею Гитлеру подсказывали некоторые иранские националисты, ярые сторонники «третьей силы». В самом начале войны ими был создан так называемый «Тайный комитет», находившийся под воздействием нацистской идеологии. Вскоре комитет направил в Берлин своего представителя в надежде добиться содействия Германии для свержения Реза-шаха¹⁰⁴.

В одном из донесений советской разведки отмечалось, что в июле – августе 1940 г. немцы с целью поставить во главе Ирана послушное странам «оси» правительство и изгнания англичан силами местных военных готовили путч в Иране. Во главе нового правительства предлагалось поставить теперь уже бывшего премьер-министра М. Дафтари, получившего от германской резидентуры приличную сумму в 3 млн риалов.

¹⁰¹ Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941 г. Т. 23. Кн. 2 (1)... С. 83.

¹⁰² Алиев С.М. Указ. соч. С. 198.

¹⁰³ Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941 г. Т. 23. Кн. 2 (1). С. 383.

¹⁰⁴ Годс М.Р. Указ. соч. С. 152.

В мае 1940 г. английский посланник в Тегеране Р. Буллард в своем циркуляре предупредил консулов о возможности переворота со стороны немцев, обосновавшихся в Тегеране. «Будьте готовы сжигать все секретные документы»¹⁰⁵ – эти указания не оставляли сомнений в том, насколько серьезно британцы отнеслись к полученной информации.

Путч, однако, провалился, и некоторые заговорщики подверглись аресту. Иранская полиция арестовала трех немцев: Гайберта, Грельмана и Хальца, а также двух итальянцев: Балана и Ольвани. Кроме того, было арестовано несколько высокопоставленных иранских военных.

Несмотря на неудачу готовившегося переворота, Гитлер не оставил надежд на отстранение от власти Реза-шаха. С лета 1940 г. фюрера больше не устраивал сторонник «третьей силы», ему была нужна марионетка, готовая во всем следовать указаниям из Берлина. Гитлер понимал, что после начала агрессии против СССР Иран потеряет свое значение как источник стратегического сырья. В перспективе Иран виделся фюреру как один из активных участников фашистского блока, что нельзя было представить, пока на иранском престоле находится политик-прагматик, готовый получать из рук нацистов военно-экономическую помощь, но не желающий проливать кровь за интересы «германского рейха». Поэтому он направил в Иран специального уполномоченного из ведомства Г. Гимmlера с задачей сколотить террористическую группу, которая совершала бы систематические убийства негодных для Германии лиц. По данным советских разведчиков, члены этой группы получили задание подготовить убийство шаха с тем, чтобы поставить во главе Ирана немецких агентов¹⁰⁶.

В 1941 г., когда подготовка к осуществлению плана «Барбаросса» вышла на первый план, немцы вновь вернулись к идее переворота в Иране. Заслуживает внимание факт прибытия в Исфахан в первых числах июня 1941 г. шефа абвера Ф. Канариса. За три месяца до этого Ф. Канарис побывал в Ираке, вслед за его посещением в стране произошел переворот Рашида Аль-Гайлани.

К тому времени руководство немецкой агентурой в Исфахане перешло в руки доктора Эйлерса – бывшего директора тегеранской археологической школы в Тегеране. В короткий срок бывший археолог, а ныне большой знаток местных племен организовал встречу своего шефа с одним из местных авторитетов.

Ф. Канарис – руководитель одной из крупнейших разведок мира – встретился с богатейшим помещиком Фарса и вождем конфедерации племен «хамсе» Кавам-оль-Мольком Ширази, который, как казалось тогда многим, придерживался проанглийской ориентации. Переманить же на свою сторону столь влиятельного шейха было заманчивым делом для немецкой военной разведки. Поэтому Ф. Канарис столь тщетно пытался добиться его согласия возглавить иранское правительство¹⁰⁷. Удался ли этот план? К сожалению, у нас нет сведений о результатах этой встречи. Но сам факт визита Ф. Канариса говорил нам о том, насколько серьезное внимание уделяли Ирану в Берлине.

Имеются также сведения, что примерно в это же время Иран посетил видный представитель германской дипломатии – граф фон Ф. Шуленбург. Истинные цели его визита нам неизвестны, но можно с уверенностью сказать, что поездка в страну «ариев» была явно не туристической.

Тем временем в Берлине стали прорабатывать возможность склонить на свою сторону наследника иранского престола – принца Мохаммеда Реза. Его стали рассматривать как «запасной вариант», который, по мнению берлинских стратегов, вполне подходил на роль марионетки. Способ был предложен традиционный и, пожалуй, самый эффективный для Востока – подкупить наследника с помощью дорогих подарков. В торжественной обстановке Мохаммеду

¹⁰⁵ Bullard R. Letters from Tehran: a British Ambassador in World War II Persia. London – New-York, 1991. P. 31.

¹⁰⁶ Оришев А.Б. Указ. соч. С. 111–112.

¹⁰⁷ Балаян Б.П. К оценке превентивного переворота в Иране (1941) // Вестник общественных наук. 1972. № 6. С. 47.

Резе были вручены ключи от шикарного автомобиля известного германского бренда «Мерседес-Бенц». Поразителен тот факт, что после небольшой аварии немцы выписали принцу новую машину для замены поврежденной¹⁰⁸. Был сделан спецзаказ на последнюю тогда модель «Мерседес-Бенц-770К» с двухдверным кузовом «кабриолет».

К огорчению для наследника престола, автомобиль так и не попал к заказчику. Ввод советских войск в Иран разрушил эти планы – машина сменила нескольких владельцев (побывав и в России) и в настоящее время принадлежит одному американскому коллекционеру.

Принимались меры к подкупу других высокопоставленных иранцев. Среди германской агентуры этим деликатным делом занимались Мюллер, Ортель, Шнель и Штуцнакер¹⁰⁹.

Здесь надо сказать о том, что подкуп был излюбленным методом германской разведки в Иране. Многочисленные представительские суммы тратились на подкуп иранских чиновников. Иногда немцы просто сорили деньгами, раздавая деньги местной бедноте. «Деньги от фюрера», который к тому же «мусульманин», делали свое дело. По Тегерану стал ходить миф о Германии как о самом богатом и щедром союзнике.

¹⁰⁸ АСВРР. М.А. Мильштейн. Специальное сообщение. Декабрь 1940 г. Д. 25097. Т. 2. Л. 603.

¹⁰⁹ АСВРР. «Кир». Агентурное донесение: «Германские активисты в Иране». 21 августа 1941 г. Д. 25097. Т. 3. Л. 344.

Глава 6. Абвер и СД расставляют сети

К началу Второй мировой войны деятельность германской разведки в Иране стала принимать угрожающие для интересов Англии и СССР масштабы. Ее успехи имели прямую связь с ростом национально-патриотических настроений в стране.

По-прежнему германские пропагандисты первостепенное внимание уделяли идеям «арийского братства» и исламизма. И действительно, призывы к джихаду против «неверных» в определенных условиях могли вызвать широкое движение не только в Иране, но и в соседнем Афганистане и даже среди мусульманской общины в Индии.

Эти идеи находили известную поддержку у религиозных кругов, к примеру, они оказали серьезное влияние на известного иранского религиозного деятеля шейха сеида Абдула Касема Кашани, у широкой общественности, включая отдельных националистов.

Общее руководство деятельностью агентуры и проведение подрывных операций на Среднем Востоке по иронии судьбы было возложено фюрером на германского посланника в Тегеране, бригаденфюрера СС Эрвина Эттеля, до своего назначения в Иран занимавшего пост руководителя заграничной организации нацистской партии в Италии¹¹⁰. В Иране Э. Эттель также исполнял обязанности ландесгруппенляйтера местной организации НСДАП. Совмещая обе должности, Э. Эттель одновременно выполнял не только указания И. Риббентропа, но и шефа АО НСДАП Э. Боле – организатора зарубежных «пятых колонн» нацизма.

Профессиональным разведчиком, а тем более диверсантом, Э. Эттель никогда не был. Он опасался рисков, всегда действовал с оглядкой на начальство, будучи верным принципу «как бы чего не вышло». Это был типичный бюрократ – яркий образец немецкого чиновника, но в худшем смысле этого слова. Проверить, уточнить, доложить, пожалуй, это все, на что был способен Э. Эттель.

Для активной работы были нужны другие люди. И они вскоре появились в Иране.

К активной разведывательной работе подключился Г. Раданович-Гартман, выполнявший до этого задания абвера в Испании и Франции. В течение нескольких месяцев он изготовил около 20 топографических карт приграничных с Советским Союзом иранских областей, на которых были указаны военные укрепления и важнейшие коммуникации¹¹¹. Эти карты были крайне необходимы берлинским стратегам для переброски вермахта через Иран в Британскую Индию – конечную цель гитлеровской политики на Востоке.

В октябре 1940 г. в Тегеран прибыли сотрудники СД Франц Майер и Роман Гамотта – самые опытные германские агенты, когда-либо орудовавшие в Иране. В связи с тем, что оба разведчика сыграли важнейшую роль в становлении в Иране немецкой шпионско-диверсионной сети, есть смысл представить их профессиональный «портрет».

Справка

Франц Майер. Рослый брюнет, с круглым лицом, голубыми глазами, с длинными зачесанными назад волосами. Густые брови, пышные усы, слева от глаза до уха тянулся шрам, на груди следы ожога – результат ранения, полученного во время польской кампании.

Ф. Майер любил популярную в Иране игру в нарды, слыл мастером перевоплощения и при желании мог сойти за иранца. На момент приезда в страну ему исполнилось 37 лет. При встрече с незнакомыми людьми этот германский шпион именовал себя Хусейн-ханом, а при выполнении специальных заданий облачался в форму капитана шахской армии. Документы его всегда были в порядке, и если бы иранская полиция захотела к нему придраться, то предъявить ему было нечего.

¹¹⁰ Kirk G. The Middle East in the War. Wits introd. by Arnold Toynbee. London: Oxford Univ. press, 1953. P. 131.

¹¹¹ АСВРР. Протокол допроса Г. Радановича-Гартмана. 28 января 1941 г. Д. 25097. Т. 5. Л. 9—10.

Ф. Майер был настоящим лидером и, как принято сейчас говорить, «обладал харизмой». По жизненным взглядам он представлял собой типичного фанатика национал-социализма, изображавшего из себя сверхчеловека. Немец Гайер, арестованный НКВД, говорил о нем: «Один из умнейших людей, которых я когда-либо встречал»¹¹². Таково было мнение человека, хорошо знавшего своего партнера.

Ценность Ф. Майера как агента заключалась в том, что он прекрасно знал Советский Союз. Причем он не разделял иллюзий отдельных руководителей рейха, считавших социально-политический строй СССР непрочным, а государство и Красную Армию откровенно слабыми. С начала войны Ф. Майер находился в СССР и в феврале 1940 г. по возвращении в Третий рейх представил доклад своему руководству, в котором дал высокую оценку политической, военной и экономической мощи первой в мире стране социализма. Руководство не скрывало раздражения, и отправило его в Иран. Это было как наказание специалисту, не разобравшемуся в тонкостях сложившейся политической ситуации, так как, направив его в эту восточную страну, Берлин не дал ему каких-либо конкретных указаний¹¹³. Но Ф. Майер, не дожидаясь инструкций своих шефов, приступил к активной работе.

Отдадим Ф. Майеру должное – в Иране этот офицер показал себя человеком дела. В страну он официально прибыл как представитель фирмы «Мерседес-Бенц». Это позволило ему с первых же дней пребывания в Иране установить связи со многими местными военными, так как в его официальные обязанности входило снабжение механизированных частей иранской армии автозапчастями. Главным его информатором стал выходец из Советского Азербайджана армейский офицер Зульгадар.

Другой разведчик, Р. Гамотта, уже успел проявить себя в Польше, где заслужил славу умелого «организатора восстаний и партизанского движения». В ориентировке на него сообщалось: «Гамотта – 40 лет, ранее сообщалось Комута, сражался на польском фронте, хорошо говорит по-русски. [...] Возможно, иранская тайная полиция произведет негласную выемку на квартире Гамотты, так как он печатает у себя на квартире и, по-видимому, хранит секретные документы. Живет Гамотта на Хиабан Хаян»¹¹⁴.

О значимости Р. Гамотты как агента говорил тот факт, что он был в близких отношениях с Г. Гиммлером. Доклады Р. Гамотты обрабатывались лично германским военным атташе в Тегеране фон Гельдером. Направив этого аса шпионажа в Иран, Берлин снабдил его крупной суммой денег, а прогермански настроенные иранцы помогли ему устроиться на работу в общество «Иранэкспресс», что дало Р. Гамотте возможность свободно передвигаться по всей стране¹¹⁵. Официальным прикрытием его шпионской деятельности служила работа корреспондентом агентства «Трансоцеан»¹¹⁶.

В Тебризе, Реште, Казвине и других городах Гамотта вместе со своими подручными лихорадочно занимался комплектованием профашистских военизированных групп и отрядов, каждый из которых насчитывал 10–12 вооруженных прислужников Третьего рейха¹¹⁷. Будущих диверсантов обучали методам и тактике диверсионно-разведывательных действий, основам минно-подрывного дела. При подготовке подрывников главный упор немецкие инструктора делали на умение подопечных самостоятельно изготовлять взрывчатку и средства взрывания из подручного материала. Диверсантов обучали определять наименее защищенные места в обороне стратегических объектов, каким, например, была Трансиранская железная

¹¹² Костромин Л.П. Противоборство с фашистской агентурой в Иране // Очерки истории российской внешней разведки: в 6 т. Т. 4 (Советская разведка в годы Великой Отечественной войны). М.: Международные отношения, 1999. С. 329.

¹¹³ АСВРР. Справка: «Германская агентура в Иране». 31 декабря 1943 г. Д. 28211. Т. 2. Л. 423.

¹¹⁴ АСВРР. «Кир». Агентурное донесение: «Германская колония и работа немцев в Иране». Д. 25097. Т. 3. Л. 343–344.

¹¹⁵ АСВРР. «Кир». Агентурное донесение: «Германские активисты в Иране». 21 августа 1941 г. Д. 25097. Т. 3. Л. 343–344.

¹¹⁶ Павлов Н. Теперь об этом можно рассказать // Новое время. 1970. № 22. С. 29.

¹¹⁷ Ибрагимбейли Х.М. Указ. соч. С. 32.

дорога, рассчитывать оптимальный вес взрывного устройства, маскировать место минирования. Конечно, условия обучения были далеки от тех, которые существовали на Бранденбургском полигоне абвера, где в глубоком овраге были расположены рельсы, установлены опоры линий связи, электропередач и имелись другие сооружения для взрыва и поджога. Однако энтузиазм «учеников» брал свое: за умеренное вознаграждение они были готовы выполнить любые поручения.

Не отставали от своих молодых коллег старые «волки» шпионажа Платте и Вольф. Каждый из них добился определенных успехов. Последний с целью установления близких связей с работниками пехлевийского порта систематически делал подарки начальнику местной таможни Никону, в частности, подарил этому чиновнику радиоприемник стоимостью 5000 риалов¹¹⁸ и в конечном счете втерся к тому в доверие. В результате немцы добились передачи руководства работой порта германским подданным, что дало новые возможности для шпионажа на севере Ирана.

Другие германские агенты, действовавшие под видом представителей фирмы «Вебер-Бауэр», должны были взять под свой контроль строящуюся дорогу Тегеран – Тебриз и выходящую к самой границе СССР дорогу Тебриз – Джульфа. В этих городах под видом транспортно-экспедиторских контор были открыты шпионские центры. Кроме того, подобные конторы были открыты в Бабольсере, Бендер-Шахпуре (в настоящее время – Бендер-Хомейни) и Баджигиране.

Активную шпионскую деятельность в Иране вели немецкие фирмы «АЕГ», «Атлас», «Ауто-унион», «Вилли Шнель», «Крупп», «Сименс», «Феррошгаль»¹¹⁹. Эти компании служили прекрасным прикрытием, превратившись фактически в филиалы абвера. Их представителями в Иран, как правило, назначались старшие офицеры вермахта. Представителем фирмы «Сименс» был Г. Раданович-Гартман, а его заместителем назначен полковник Кефкен. Фирму «Байер» представлял Шюттер, имевший чин генерала вермахта¹²⁰. С помощью этих фирм гитлеровцы доставляли в страну амуницию и материалы, необходимые для оснащения военизированных групп.

Немецкая разведка опиралась в своей деятельности на клубы с характерными названиями: «Браунес хаус» («Коричневый дом») и «Тевтония» в Тегеране или «Дойчес хаус» («Немецкий дом») в Тебризе. Наиболее плотной германская шпионская сеть была в приграничных с СССР районах, а также в районах, прилегающих к Персидскому заливу, и особенно к Британской Индии. В 1940 г. нацисты приступили к строительству «Назибада» («Города нацистов»), который должен был стать центром фашизма в Иране¹²¹.

Активность германской агентуры на Среднем Востоке стала усиливаться с лета 1940 г., когда подготовка к нападению на Советский Союз стала главным пунктом гитлеровской стратегии.

31 июля 1940 г. после очередной беседы с Гитлером начальник генерального штаба сухопутных войск Ф. Гальдер записал в своем дневнике: «Если Россия будет разгромлена, Англия потеряет последнюю надежду»¹²². 8 августа 1940 г. верховное командование люфтваффе потребовало от Ф. Канариса, чтобы его ведомство срочно представило исчерпывающую информацию о советском военном потенциале, а также определило пункты, удобные для наступления

¹¹⁸ АСВРР. М.А. Мильштейн. Специальное сообщение. Декабрь 1940 г. Д. 25097. Т. 2. Л. 602.

¹¹⁹ АСВРР. Д. 25097. Т. 2. Л. 601.

¹²⁰ Агаев С.Л. Германский империализм в Иране... С. 96.

¹²¹ Попов М.В. Американский империализм в Иране в годы Второй мировой войны. М.: Издательство Академии наук СССР, 1956. С. 29.

¹²² Гальдер Ф. Военный дневник: в 3 т. [перевод с нем.]; под ред. и с предисловием В.И. Дашичева. Т. 2. М.: Воениздат, 1969Т. 2. С. 80.

против «Британской колониальной империи, исключая Египет и Гибралтар»¹²³. Шеф абвера понял все правильно – речь идет об Иране.

Как ранее говорилось, осенью 1940 г., после провала советско-германских переговоров Гитлер принял окончательное решение начать войну с СССР. До июня 1941 г. в Германии шла подготовка к реализации плана «Барбаросса», все остальные операции были отодвинуты на второй план. После французской кампании Англию в Берлине уже не считали серьезным противником и планировали ограничиться против нее демонстрацией силы. Англичане вскоре прекратят сопротивление – так считал Гитлер. Главной целью стал для него Советский Союз.

В этой ситуации в Берлине стали рассматривать Иран как возможного союзника, полезного не столько в борьбе против Великобритании, сколько против СССР. Поэтому особое внимание стало уделяться районам, граничившим с СССР – Иранскому Азербайджану, Каспийскому побережью и Хорасанской провинции.

Факт высокой активности немцев в Иране подтверждается и архивными материалами. Мы располагаем исключительно важным донесением советского резидента, в котором говорилось, что «под видом исследователей, туристов, пикников и охоты немцы проникают и обследуют самые отдаленные уголки Ирана»¹²⁴. В этом же донесении отмечалась деятельность проживавшего в Тегеране некоего доктора Симса – одного из руководителей фашистских ячеек на севере Ирана. Отмечалась также работа немецкого инженера Перца, в течение осени 1940 г. неоднократно разъезжавшего по всем приграничным районам.

С конца июля 1940 г. участились поездки немецких дипломатов из СССР в Иран. В августе в Иран выезжал помощник военного атташе германского посольства в Москве майор Шубут, в октябре – военный атташе Кристендорф и советник германского посольства Типпельскирх¹²⁵. Нет сомнений, что эти поездки совершались с разведывательными целями.

Благоприятные условия для ведения немцами подрывной работы создавались пассивностью иранских властей, закрывавших глаза на деятельность в приграничной зоне контрабандистов и бандформирований. Уличить контрабандистов в шпионаже в пользу какой-либо державы было непросто, так как действовали они в основном через резидентов. И, тем не менее, органы госбезопасности СССР располагали определенными данными о ряде организаторов шпионско-контрабандистских групп из числа эмигрантов, проживавших в Иране.

Расскажем об одном из них, Курте Аллаярове. Сын крупного помещика, он вместе с отцом и братом бежал из СССР в Иран в 1931 г., где торговал коврами, одновременно занимаясь контрабандой. В Каахкинском районе К. Аллаяров имел много родственников, которых пытался использовать в своих интересах. В 1936 г. был задержан при переходе границы из Ирана в СССР. При нем ничего не обнаружили, и советское правосудие проявило гуманность, осудив К. Аллаярова «всего» на два года. После отбытия наказания К. Аллаяров вновь нелегально бежал в Иран. Там он организовал группу вооруженных контрабандистов и по заданию своих хозяев неоднократно направлял своих подручных для сбора сведений о военных объектах в район Каахка, Мары, Теджена, Ашхабада¹²⁶.

На участке советского пограничного комиссара по Бахарденскому району в течение 1940 г. пограничники задержали 45 бандитов, у которых были изъяты шесть револьверов, 18 винтовок, 652 патрона и различные контрабандные товары. На участке по Каахкинскому району за этот же период пограничниками было задержано 17 перешедших с иранской территории бандитов, у которых были отобраны пять винтовок, четыре револьвера, 358 патронов и контрабандные товары. На совместном заседании пограничных комиссаров 18 января 1941 г.

¹²³ Румянцев Ф.Я. Тайная война на Ближнем и Среднем Востоке. М.: Международные отношения, 1972. С. 85.

¹²⁴ АСВРР. И. Сталину, В. Молотову (проект). 16 октября 1940 г. Д. 25097. Т. 2. Л. 466.

¹²⁵ АСВРР. М.А. Мильштейн. Специальное сообщение. Декабрь 1940 г. Д. 25097. Т. 2. Л. 603.

¹²⁶ На рубежах тайной войны / Под ред. А.С. Бойко. Ашхабад: Туркменистан, 1985. С. 72–73.

иранский пограничный комиссар не только признал факт систематических переходов бандитов из Ирана на территорию СССР и обязался привлечь их к ответственности, но и обещал поставить перед соответствующими органами вопрос о выселении указанных лиц с приграничной полосы¹²⁷. Однако никаких действенных мер иранские власти так и не предприняли. Между тем среди контрабандистов и других иранцев, нелегально пересекавших границу, было немало тех, кто выполнял задания абвера и СД.

За первые три месяца 1941 г. только на участке советско-иранской границы в Закаспии было задержано 34 нелегально перешедших на территорию СССР из Ирана контрабандиста, часть которых, по-видимому, выполняла задания германской разведки. При этом советскими компетентными органами были установлены факты направления контрабандистов на территорию СССР с ведома представителей иранских пограничных и таможенных органов¹²⁸.

В этой ситуации советские власти, опасаясь в случае начала войны удара в спину так называемой «пятой колонны» и с целью ликвидации поддержки контрабандистов со стороны проживавших на территории СССР иранских подданных, приняли меры по принудительному их выселению из некоторых районов Советского Азербайджана.

Гуманизмом это решение не отличалось, но у И. Сталина был свой резон. Сталинская политика депортации коснулась иранцев еще до начала Второй мировой войны, когда решением Политбюро от 19 января 1938 г. НКВД СССР было предложено всех иранцев, проживающих в приграничных районах Азербайджана и оформивших советское гражданство, в месячный срок переселить в Казахстан¹²⁹.

Насколько необходимы были эти меры, мы можем понять только с учетом того, что в пограничных с СССР районах Северного Ирана немецкие агенты без всяких помех производили топографическую съемку местности, фотографировали стратегически важные объекты. В Миане, Хамадане и других городах имелись тайные передвижные радиостанции. В прикаспийских портовых городах Нушехре, Бендер-Шахе, Пехлеви тренировались диверсанты, которых готовили к переброске в советские Азербайджан и Туркменистан для совершения различного рода диверсионных акций. Офицеры СД П. Вейзацек и Ф. Иштван за время своего пребывания в стране осуществили несколько забросок лазутчиков в Ашхабад, Баку и даже в Тбилиси¹³⁰.

В начале марта 1941 г. все зарубежные резидентуры абвера получили приказ усилить шпионскую деятельность против СССР. 24 марта Ф. Канарис вместе с ближайшими помощниками Брюкнером, Г. Пикенброком, Э. фон Лахузенем и Э. Штольце провели совместное совещание с чиновниками из министерства И. Риббентропа, на котором обсудили вопросы подрывной работы в Иране.

Реализовывать их замыслы должна была обосновавшаяся в Иране германская агентура. К этому времени в районе Миана для проведения диверсий на советских военных и промышленных объектах, транспортных узлах были заготовлены тонны взрывчатых веществ. В районе Тебриза и в других узловых пунктах размещались немецкие склады оружия и боеприпасов¹³¹. Всего за первые восемь месяцев 1941 г. из Германии в Иран по различным путям было транспортировано 12 тыс. т вооружений¹³².

¹²⁷ АВП РФ. Ф. 94. 1941. Ноты НКВД в иранское посольство в Москве. 27 марта 1941 г. Оп. 26. П. 68. Д. 1. Л. 29.

¹²⁸ АВП РФ. Ф. 94. 1941. Нота НКВД в иранское посольство в Москве. 9 июня 1941 г. Оп. 26. П. 68. Д. 1. Л. 48–49.

¹²⁹ См. подробнее: Бугай Н.Ф. 30-е годы: о депортации иранцев из Азербайджана в Казахстан // Восток. 1994. № 6. С. 146–154.

¹³⁰ Костромин Л.П. Указ. соч. С. 332.

¹³¹ Ибрагимбеги Х.М. Указ. соч. С. 32; Эдлинский С.Ф. Каспийский транспортный флот в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945. М.: Морской транспорт, 1963. С. 24.

¹³² Madani S.D. Op. cit. S. 262.

Значительную роль в организации шпионажа против СССР с территории Ирана предстояло сыграть майору абвера Бруно (Бертольд) Шульце-Хольтусу. «Моя история началась с белого пятна на карте России, которое бросилось мне в глаза одним февральским вечером 1941 г., когда я смотрел на эту карту в своем кабинете в здании абвера в Берлине», – впоследствии вспоминал майор¹³³.

Через пару недель Б. Шульце-Хольтус уже был в Иране. Для того чтобы получить свободу рук для своей деятельности, ему требовалось получить пост вице-консула в Тебризе. Посол Э. Эттель, хотя и с подозрением отнесся к вновь прибывшему представителю абвера, но согласие на назначение его консулом после некоторых раздумий дал.

Вскоре сработал еще один план Б. Шульце-Хольтуса – советские власти вручили ему транзитную визу, и он с документами археолога – «специалиста по религиозным памятникам старины» – направился в СССР.

Б. Шульце-Хольтус стал единственным среди немецких разведчиков, опубликовавшим воспоминания о своей работе в Иране. Уже после войны он назвал поездку в Советский Азербайджан «самой напряженной» в своей жизни.

Вот как описывает «путешествие» Б. Шульце-Хольтуса неизвестный источник: «Бруно Шульце как пассажир (Б. Шульце-Хольтус следовал поездом до Баку, а оттуда пароходом до порта Пехлеви. – А.О.) вел себя не лучшим образом. Каждые 30 минут он выскакивал из купе, в котором был еще один пассажир – директор крупного завода в Армении, и, извиняясь за болезнь мочевого пузыря, мчался в туалет. Там из потайного кармана вытаскивался блокнот, куда “знаток школьного дела и религии” заносил сведения о расположении железнодорожных и промышленных объектов с их краткими характеристиками, о нефтехранилищах, аэродромах, воинских казармах, скоплениях техники, даже о водонапорных башнях, т. е. обо всем, что можно было увидеть из окна вагона и что могло пригодиться германской военной разведке. Шульце еще не знал даты нападения на СССР. Но миссия его уже входила малой частью в гигантский план подготовки к войне»¹³⁴.

Особенностью работы Б. Шульце-Хольтуса было то, что он ориентировался на помощь не только платных агентов, но и добровольных помощников из числа армянских и азербайджанских националистов. Им были завербованы азербайджанские эмигранты из партии «Мусават» и армянские эмигранты, принадлежавшие к партии «Дашнакцутюн»¹³⁵.

Мусаватистам за «услуги» Б. Шульце-Хольтус обещал создание «независимого азербайджанского государства». Один из соратников Б. Шульце-Хольтуса – руководитель азербайджанских националистов доктор Азади – таким образом охарактеризовал позицию своих сторонников: «Десятилетиями мы живем в пространстве, которое определяется противоречиями между Россией и Англией. Россия, используя нашу прежнюю слабость, отобрала у нас Кавказ. Разделенный Азербайджан – это для нас, как Эльзас и Лотарингия для немцев»¹³⁶.

Близкие по смыслу аргументы приводились Б. Шульце-Хольтусом при работе с дашнаками. «Германия, безусловно, победит и власть в Армении перейдет в ваши руки. В будущем мир увидит новую, великую Армению. Вы получите свою историческую родину, но надо постараться, чтобы в Берлине достойно определили ваши усилия», – убеждал армянских националистов Б. Шульце-Хольтус¹³⁷.

¹³³ Schulze-Holthus B. Frührot in Iran. Abenteuer im deutschen Geheimdienst. Esslingen: Bechtee, 1952. S. 29.

¹³⁴ Кузнец Ю.Л. Тегеран-43. М.: Яуза, Эксмо, 2003. С. 18–19.

¹³⁵ Еще в середине 1930-х гг. часть партии «Дашнакцутюн» откололась от основного ядра, вступив в контакт с руководством Третьего рейха, а германское руководство присвоило членам армянской колонии в Берлине статус арийских беженцев. См.: Чуев С. Проклятые солдаты. М.: Эксмо, Яуза, 2004. С. 519; Абрамян Э. Кавказцы в абвере. М.: Быстров, 2006. С. 249.

¹³⁶ Цит. по: Кузнец Ю.Л. Тегеран-43... С. 20.

¹³⁷ Агаев С.Л. Германский империализм в Иране... С. 105.

Говоря о дашнаках, отметим, что некоторые из них контактировали не только с людьми из абвера, но и с представителями СД, в частности с Р. Гамоттой¹³⁸. Есть даже сведения, что шеф гестапо Г. Мюллер обсуждал с дашнаками перспективы сотрудничества после захвата Кавказа вермахтом. Издаваемая в Берлине в годы Великой Отечественной войны газета «Айастан» писала, что «как малыши собираются вокруг матери, так и армянский народ должен сплотиться вокруг германского». Поэтому неудивительно, что практически все лидеры дашнаков, нашедшие приют в Иране, так или иначе сотрудничали с немцами. Однако рядовые члены этой партии, особенно те, кто выехал из СССР в 1937–1939 гг., предпочитали воздерживаться от контактов с германской разведкой. Что же касается мусаватистов, то среди них не было раскола. Их относительно малочисленная организация, сразу же увидела в лице гитлеровцев союзников в удовлетворении своих политических амбиций.

Однако не стоит обвинять эмигрантов в симпатиях гитлеровскому режиму. Симпатизировали они прежде всего денежным знакам. Еще совсем недавно они получали подпитку из Парижа. По данным НКВД, в сентябре 1939 г. зарубежные организации сторонников находившегося в эмиграции меньшевистского правительства Грузии, азербайджанские мусаватисты, армянские дашнаки по заданию французской разведки вели активную работу по переброске диверсантов в Закавказье, и в первую очередь в Азербайджан, для совершения диверсионных актов на бакинских нефтепромыслах¹³⁹.

К началу июня 1941 г. немецкая разведка установила связи с организацией «Шамиль», состоявшей из грузинских политэмигрантов¹⁴⁰. Среди самих иранцев Б. Шульце-Хольтусу и его сподручному Штилике удалось завербовать сына начальника полиции Тебриза и офицера штаба одной из дивизий, дислоцировавшихся в этом городе¹⁴¹.

Во второй декаде июня 1941 г., выполняя указания Берлина, Б. Шульце-Хольтус направил шесть агентов в район Кировопада для сбора развединформации о советских военных и гражданских аэродромах. Однако при переходе границы группа столкнулась с пограничным нарядом. Завязалась перестрелка, в ходе которой все шесть лазутчиков получили тяжелые ранения и были вынуждены вернуться на базу¹⁴².

Стоит остановиться на общих принципах сотрудничества германской разведки с армянами, азербайджанцами и грузинами, так как работа с нацменьшинствами была одним из приоритетов абвера. Правило, которому следовала германская военная разведка, заключалось в том, чтобы никогда не давать националистам далеко идущих политических обещаний. Это было серьезным просчетом, поскольку представители национальных меньшинств Востока, чувствуя бесперспективность сотрудничества с нацистами, ставили отношения с ними исключительно на коммерческую основу, не желая погибать за величие Третьего рейха. У них были свои цели и задачи, далекие от идеалов германского фашизма.

Деятельность Б. Шульце-Хольтуса имела успех потому, что он отошел от тесных рамок негласных ведомственных инструкций, запрещавших ему давать конкретные обещания. Правда, все его обещания были всего лишь словами, так как никаких резолюций о независимости Армении, Азербайджана или Грузии от Гитлера и других лидеров Третьего рейха не исходило. Надеясь вызвать мощное сепаратистское движение в республиках Закавказья, гитлеровские спецслужбы всего лишь создали так называемые Азербайджанский и Армянский национальный комитеты.

¹³⁸ АСВРР. Справка: «Германская агентура в Иране». 31 декабря 1943 г. Д. 28211. Т. 2. Л. 423.

¹³⁹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. I. Кн. 1. Сборник документов. М.: Книга и бизнес, 1995. С. 94.

¹⁴⁰ Мадер Ю. Указ. соч. С. 227.

¹⁴¹ Мадер Ю. Указ. соч. С. 237.

¹⁴² Мадер Ю. Указ. соч. С. 242.

К этому времени в Иране начали действовать эмигрантские антисоветские организации – филиалы так называемого «Туркестанского национального центра» (ТНК). Характерно, что сам центр находился в Берлине. Главной целью этой организации являлось создание благоприятных условий для вербовки агентов с целью последующей заброски их на территорию республик Средней Азии.

Возглавлял ТНК общественный и политический деятель, публицист, бывший эсер и уполномоченный Временного правительства по Туркестанскому краю Мустафа Чокаев (Чокай-оглы)¹⁴³. Находясь в плену собственных иллюзий, этот идеолог борьбы за свободу и независимость «Единого Туркестана» в ответ на предложение немцев возглавить так называемый Туркестанский легион выдвинул программу сотрудничества с Берлином. В этой программе было два основных пункта: 1) подготовить кадры для будущего Туркестанского государства в учебных заведениях Германии; 2) создать из числа пленных соотечественников воинские формирования, которые должны быть использованы только при подходе к границам Туркестана и Ирана. Как и многие политики на Востоке, он просчитался: Гитлера Туркестанский легион интересовал только как пушечное мясо.

Однако прозрение у националистов наступило не сразу. Подталкиваемые германскими спецслужбами, активизировали работу против СССР такие эмигрантские организации как «Шарк Юлдуз» («Звезда Востока») в Мешхеде, «Туркменский национальный союз» в ауле Хасарча, «Туркестанское национальное объединение» в Стамбуле и другие более мелкие союзы и группы¹⁴⁴.

Немцы также предприняли попытку установить связь с проживавшими в Иране участниками Белого движения, которыми руководил бывший генерал императорской армии А.И. Выгорницкий. Известный в свое время востоковед, военный переводчик, он был первым русским офицером, который выучил язык хинди. Несмотря на свой преклонный возраст, он представлял интерес для немецкой разведки. Как профессиональный разведчик, прекрасно знавший Восток, и как уважаемый человек среди эмигрантов он был незаменим.

Советская разведка дала следующую ориентировку на А.И. Выгорницкого: «Генерал Выгорницкий (Выгорницкий Александр Иванович, 1868 —? генерал царской армии. С августа 1915 г. – командир 494-го Верейского пехотного полка) приступил к уточнению списков белогвардейцев, сведенных в бригаду. Организационные мероприятия будут проводиться по получению указаний от генерала Бискупского (Бискупский Василий Викторович, 1878 —? генерал-майор царской армии). С декабря 1914 г. – командир 1-го лейб-драгунского Московского полка, в эмиграции возглавляет «Центральное управление по делам русской эмиграции» в Берлине, в 1936 г. был назначен на пост верховного комиссара по делам русских эмигрантов в Германии»¹⁴⁵.

А.И. Выгорницкий, по некоторым сведениям, действительно поддерживал контакты с генералом В.В. Бискупским – начальником Управления делами российской эмиграции в Берлине. В.В. Бискупский, как известно, одобрил нападение Германии на СССР, но, в отличие от других коллаборационистов, надеялся на замену Гитлера другим политиком, который понимал бы значение русской эмиграции для борьбы с большевизмом.

Упоминая белогвардейцев, осевших в Иране, было бы несправедливо определять их как серую массу, достигшую той степени озлобленности, чтобы сотрудничать с кем угодно, лишь бы нанести ущерб СССР. После 22 июня 1941 г. многие из них встали на позиции русских патриотов, порвав все отношения с немцами.

¹⁴³ См: Шакибаев С. Падение «Большого Туркестана». Повесть-хроника. Пер. с каз. Алма-Ата: Жазуши, 1972.

¹⁴⁴ На рубежах тайной войны ... С. 21.

¹⁴⁵ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. II. Кн. 1. Сборник документов. М.: Русь, 2000. С. 228.

Значительных успехов германские эмиссары достигли в южных провинциях Ирана. Этот успех в известной степени был связан с особенностями политической обстановки в этом регионе. С одной стороны, здесь была слаба власть центрального правительства, с другой стороны, к сотрудничеству с немцами активно стремились лидеры антибритански настроенных племен, прежде всего, кашкайцы. Оказать им посильную финансовую помощь, снабдить оружием и организовать мощное антибританское выступление – такие перспективы рисовались перед абвером и СД. Клубок противоречий, острое соперничество между тремя силами – иранским правительством, британцами и собственно вождями кочевых племен – открывали широкие возможности для привлечения последних в вооруженные выступления против Великобритании.

В первых числах июня 1941 г. германские спецслужбы в Иране получили мощное подкрепление в лице отступивших из Ирака после провала выступления Рашида Али аль-Гайлани отрядов лучшего нацистского спецназа «Бранденбург-800». Это воинское подразделение подчинялось непосредственно шефу второго отдела абвера Э. Лахузену и предназначалось для ведения боевых действий в тылу войск противника.

Некоторый опыт у «Бранденбурга-800» на этот счет имелся. В Ираке 11 мая 1941 г. «бранденбуржцы» взорвали две канонерские лодки и захватили около 50 кораблей обеспечения, нанесли серьезный урон британским войскам на Великом караванном пути из Дамаска в Рутбу. В конце мая в долине реки Тигр бойцы «Бранденбурга-800» организовали засаду на подразделения регулярной британской армии, уничтожив при этом около 100 солдат и офицеров противника. Перебравшись в Иран, следуя своему знаменитому девизу «Для Бранденбурга все дороги хороши!», спецподразделение должно было осуществить захват аэродромов, мостов, плотин и других стратегических объектов, а также перейти советско-иранскую границу с последующей организацией диверсий в советском Закавказье.

Подготовка «бранденбуржцев» вызывала уважение. Бойцы «Бранденбурга-800» знали восточные языки, владели техникой прыжка с парашютом, десантирования на побережье, движения по пересеченной местности. Они были обучены вести боевые действия в сложных погодных условиях иранской пустыни и ночью, были хорошо знакомы с различными видами стрелкового оружия и военной техники. Главная задача «бранденбуржцев» сводилась к тому, чтобы с помощью маскировки и введения противника в заблуждение добиться эффекта внезапности, который должен был использоваться идущими за ними немецкими войсками. При этом внезапность носила тактический, а иногда и оперативно-стратегический характер. Применение «Бранденбурга-800» было таким разнообразным, что охватывало все мыслимые формы и методы, присущие операциям разведывательно-диверсионного характера при полной или частичной маскировке. При полной маскировке использовалась форма одежды противника и его вооружение, чтобы было нарушением правил ведения войны.

Безусловно, эти приготовления не могли пройти незаметно. Советская разведка получала необходимую информацию о деятельности немцев в Иране. Но почему не принимались меры в феврале, марте, апреле 1941 г., т. е. еще до начала германской агрессии против СССР? Увы, но советское руководство четко следовало курсу пакта Риббентропа – Молотова, следуя которому было принято считать, что вся активность абвера и СД в Иране направлена прежде всего против англичан и не затрагивает непосредственно интересы СССР. Не принимая никаких особых мер, в посольстве СССР в Тегеране продолжали следить за германской колонией, собирая ценную информацию о Ф. Майере, Б. Шульце-Хольтусе, Р. Гамотте и других.

Между тем еще 18 декабря 1940 г. ОКВ утвердило план «Барбаросса». Непродолжительный период дружбы и компромисса между Германией и СССР подошел к концу. Война надвигалась с роковой неизбежностью. Замысел Гитлера состоял в том, чтобы в ходе трехмесячной кампании покончить с Советским Союзом. Этот шаг должен был создать экономическую, а также политическую основу для осуществления второго этапа молниеносной войны, который

предусматривал широкие операции против стран Ближнего и Среднего Востока, продвижение немецких войск в страны Африки, а также захват Азорских островов. Во имя выполнения этого плана 17 февраля 1941 г. Гитлер отдал приказ разработать в качестве «дополнения» к нему операцию по захвату сложного по своему рельефу Афганистана – с дальнейшим наступлением на «жемчужину» Британской империи – Индию¹⁴⁶. Естественно, что ее успешное завершение не могло состояться без захвата Ирана. Германская армия, вторгшись в Иран и Афганистан, должна, по замыслу фюрера, преодолеть Гиндукуш и ворваться в Индию. Завоевав ее, вермахт должен был соединиться на ее восточных границах с наступавшими японскими войсками, что, по твердому убеждению Гитлера, превращало Германию во властелина мира. При таком ходе событий Соединенные Штаты Америки и Канада, увидев мощь германского оружия, пошли бы на любые уступки – лишь бы сохранить независимость.

Подготовка к операции «Барбаросса» и последующим операциям велась в атмосфере такого оптимизма и такой уверенности в победе, что уже через неделю афганская директива фюрера стала предметом беседы между Ф. Гальдером и главнокомандующим сухопутных сил В. Браухичем, а также Ф. Гальдером и начальником оперативного отдела генерального штаба сухопутных войск А. Хойзингером.

Ф. Гальдер не заставил себя ждать и как результат этих совещаний 7 апреля 1941 г. представил план по распределению и использованию сухопутных войск сразу после «победоносного окончания русского похода», т. е. после завершения операции «Барбаросса». Этот далекоидущий план предусматривал создание специальной группировки «Афганистан» в составе 17 дивизий (трех танковых, четырех моторизованных, шести горнострелковых, четырех пехотных), а также автотранспортного полка¹⁴⁷. Хотя эта группировка и не была создана, но само существование подобных планов говорит уже о многом.

22 мая 1941 г. специальный штаб оперативного руководства ОКВ разработал еще один документ первостепенной важности – совершенно секретную инструкцию «Соображения специального штаба на случай немецко-русского конфликта». В третьем пункте этого документа отмечалось: «В Турции, Иране, Афганистане, Китае, Манчжоу-Го и Японии следует принять меры к тому, чтобы эти страны прекратили всякие поставки в Россию», а пятый пункт рекомендовал «в Иране и Афганистане напоминать о событиях англо-иракского конфликта, в котором Россия была союзницей Великобритании»¹⁴⁸.

Другая директива ОКВ № 30 от 23 мая 1941 г. – «Средний Восток», излагала цели Германии в этом регионе и выдвигала чисто прагматичный лозунг: «Победа держав оси несет народам Среднего Востока освобождение от английского ига...». В другом документе – директиве ОКВ № 32 от 10 июня 1941 г. «Подготовка на период после “Барбароссы”, намечалось использовать национально-освободительное движение на Востоке, привести к власти профашистские режимы в нужных странах, создать в них «пятые колонны», завербовать лидеров политических партий и движений на службу абверу, СД и МИД¹⁴⁹.

Для осуществления этих планов германское командование приняло решение о создании корпуса «Ф» во главе с генералом авиации Г. Фельми, а также «Особого (в некоторых источниках – «специального») штаба Ф». В задачи штаба входило руководство диверсионной деятельностью германской агентуры и специальных формирований. Местом дислокации «Особого штаба Ф» был избран лагерь на мысе Сунион в Южной Греции¹⁵⁰.

¹⁴⁶ Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht. 1940–1945. Bd. 1. Frankfurt a. M.: Bernard Graafe Verlag, 1965. S. 328.

¹⁴⁷ Гальдер Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 453.

¹⁴⁸ Ибрагимбейли Х.М. Указ. соч. С. 294.

¹⁴⁹ Jacobsen H. 1939–1945 der Zweite Weltkrieg in Chronic und Documenten. Darmstadt: Wehr und Wissen, 1961. S. 245.

¹⁵⁰ Hitlers Weisungen für die Kriegführung. Dokumente des Oberkommandos der Wehrmacht. Munchen: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1965. S. 157; Ибрагимбейли Х.М. Указ. соч. С. 294.

Стратеги из ОКВ разработали инструкцию для штаба «Ф». В качестве главных задач ставились: установление контактов с силами на Среднем Востоке, враждебно настроенными к англичанам, организация поставок оружия для средневосточных стран. Здесь же отмечалось, что специальный штаб «Ф» должен поддерживать непосредственную связь с военными атташе Германии в Анкаре и Тегеране¹⁵¹.

Солдаты и офицеры корпуса «Ф» были обучены турецкому, персидскому, арабскому и другим восточным языкам, также они знали французский и английский, а солдаты – выходцы из ближневосточных стран – обучались и немецкому.

Командир корпуса генерал Г. Фельми считался в Германии серьезным знатоком Востока. Он продолжительное время служил военным инструктором в Турции и странах Тропической Африки. Начальником штаба корпуса «Ф» был назначен майор Рикс Майер. Он также служил в Турции, а затем в Палестине, Ираке, Алжире.

Но особый интерес у нас вызывает фигура Оскара фон Нидермайера, который со специальным поручением был прикреплен к «Особому штабу Ф». Этому офицера хорошо знали в Иране, он также был прекрасно осведомлен о тонкостях иранской жизни. Еще в годы Первой мировой войны он добился весомых успехов в этой стране, выполняя задания кайзеровской разведки. Под его руководством действовала многонациональная диверсионная группа, готовившая прорыв из Ирана в Афганистан. В 1946 г. О. фон Нидермайер был приговорен советским военным трибуналом в качестве военного преступника к тюремному заключению на длительный срок и закончил жизнь в одном из сибирских лагерей. Но в 1941 г. этот ас немецкой разведки и подумать не мог о столь мрачных перспективах, он с энтузиазмом собирался в Иран в надежде снискать славу покорителя Востока.

¹⁵¹ [Платонов Н.А.] Документы вермахта. Инструкция специальному штабу «Ф» // Военно-исторический журнал. 1987. № 12. С. 55–56; Hitlers Weisungen für die Kriegführung... S. 157.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.